

18+

Олег Колмаков

Гарем

УНДЕР-ЛЕЙТЕНАНТА

ГОВОРОВА

Олег Колмаков

Гарем ундер-лейтенанта Говорова

«Издательские решения»

Колмаков О.

Гарем ундер-лейтенанта Говорова / О. Колмаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601365-0

События романа переносят нас в восемнадцатый век, во времена правления Петра Первого. Балтика, фрегат «Полтава». Копенгаген. Именно в этом европейском городе русский морской офицер становится обладателем мистического предмета, позволяющего проводить каждую ночь с новой красоткой. Ну а чем закончатся те невероятные сексуальные приключения, вы узнаете, прочитав данную книгу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-601365-0

© Колмаков О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гарем ундер-лейтенанта Говорова

Олег Колмаков

© Олег Колмаков, 2023

ISBN 978-5-0060-1365-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Небываемое бывает» – слова, которые российский царь Пётр Первый приказал выбить на памятной медали, выпущенной по случаю взятия русскими войсками шведской крепости Ниеншанц 02 мая 1703 года. С падением этой крепости, России стала принадлежать вся Нева – от истока до устья.

Вскоре к побережью подошла эскадра шведского адмирала Нумерса, который не знал о падении Ниеншанца и намеревался войти в Неву. Но по причине низкой воды временно встал на якорь. Два корабля с наименьшей осадкой – десяти пушечный бот «Гедан» и восьми пушечная шнява «Астриль» – подошли к самому устью Невы.

Пётр I посадил на тридцать лодок солдат-преображенцев, приказав им взять на бордаж шведские корабли. И это им удалось. «Флотилия» из тринадцати с пехотинцами, которыми командовал сам Пётр, захватила «Астриль», а солдаты на семнадцати лодках под командованием Александра Меншикова взяли в плен сам «Гедан».

В основу книги положены морские легенды балтийских флотоводцев, переданные автору его хорошим другом Евгением Павлюченко.

Глава 1

События, о которых пойдёт далее речь, если и имели место быть, то произошли они очень давно. Даже не так. Данная история приключилась очень-очень-очень давно. Три века тому назад. В те самые времена, когда Россией правил Пётр I (Пётр Алексеевич) – последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский. Тот самый Пётр Великий, развернувший масштабные реформы российского государства и общественного уклада. Одним из главных достижений которого стало расширение территорий России, как на Западе (Прибалтийский регион), на Юге (Турецкая война, Каспийский поход), так и на Востоке (экспедиция Бухгольца с основанием в устье рек Омь и Иртыш, Омской крепости).

При этом повествовать книги будет вовсе не о Руси или Российской империи. Действие развернётся вдали от русских земель, в нейтральных водах Балтийского моря, а также у берегов Дании, Швеции, Голландии и Курляндии.

Итак, летом далёкого 1716 года, русская эскадра, из семнадцати кораблей, трёх фрегатов, трёх шняв и сорока пяти галер, прибыла в датский город Копенгаген, дабы именно оттуда, вместе с датским флотом начать военные действия против шведов, флот которых заперся в бухте Карскрона. Туда же, в Копенгаген, пришла и английская эскадра под командованием адмирала Нориса, состоящая из шестнадцати кораблей, трёх фрегатов и трёх шняв. Несколько позже к вышеозначенным эскадрам присоединилась и голландская флотилия из двадцати пяти судов.

Пятого августа того же года, когда все эскадры были уже в сборе, на русском флагманском корабле «Ингерманланд» был поднят российский царский штандарт, которому салютовали все суда и крепость города Копенгагена.

Копенгаген начала восемнадцатого века – это типичный европейский город с узкими улицами. Большинство зданий построены таким образом, что верхние этажи выступают над нижними. Расстояние между верхними этажами порой настолько мало, что можно перешагнуть с крыши одного здания на крышу другого. На нижних этажах, как правило, находились торговые лавки и магазины. В городе отсутствует уличное освещение и канализация. Мусор и отходы выбрасываются в соответствующие ямы. Загрязнённость средневековых городов, в том числе и Копенгагена, являлась причиной постоянного неприятного запаха гниющего мусора. Немудрено, что городское население часто болело опасными инфекционными заболеваниями, как и в любом ином типичном средневековом городе.

Центральная часть Копенгагена обнесена крепостной стеной. Судьбу города решает городской совет. Горожане выбирают членов городского совета, мэра, бургомистра. В городе действует суд. На совете назначают налоги и распределяют денежные средства, которые хранятся в городской казне. Ими управляет казначей. В городе имеется полиция. Полицейские имеют полномочия войти в жилище любого горожанина и произвести там обыск, но непременно в присутствии бургомистра.

Название города Копенгаген, состоящее из слов: «кёбен» – торговля и «хавен» – гавань, говорит само за себя. В гавани Копенгагена в любую пору полно пришвартованных к пристани торговых и военных судов. К одна тысяча семьсот шестнадцатому году город только-только начал отходить от последствий бесконечных неудачных войн со Швецией, нанёсших городу значительный ущерб, а так же от эпидемии бубонной чумы (1711 г.), унёсшей около шестидесяти тысяч граждан Копенгагена. Постепенно начала налаживаться торговля, оживали морские пути.

Что же касается августа одна тысяча семьсот шестнадцатого года, когда в гавань пожаловало несколько военных эскадр, то морское побережье в буквальном смысле ломилось от раз-

номастных торговых и военных шхун, кораблей, галер, полугалер, скампавеев, бригантин. Качаясь в прибрежных водах, огромные суда, стояли друг от друга так близко, что их борта тёрлись друг о друга. В самом Копенгагене и его окрестностях наблюдалась примерно та же картина. На очень узких городских улицах и площадях было непривычно многолюдно. От разночинного и многоязычного морского люда, кое-где просто яблоку некуда было упасть. Все таверны, харчевни, трактиры и прочие питейные заведения были под завязку набиты подвыпившими, а порой и прилично перебравшими матросами. Повсюду слышалась разнородная речь. Англичане, датчане, голландцы – все перемешались в один общий шум. Моряки орали свои песни. Бородатые морские волки обнимались и братались с представителями иных держав. А впрочем, после жарких споров на морские темы, кое-кто из них, бывало, хватал союзника за грудки и откровенно бил тому морду. Под пивной и винный градус, каждый желал продемонстрировать свою силу и удаль. Там где пили, там же играли в карты, бросали кости, на спор заключались самые безумные пари – его величество Азарт и госпожа Фортуна правили нынче балом.

О том, что вино и пиво текли в городе бурной рекой, пожалуй, можно и вовсе не говорить. А вот о том, что вместе с морскими эскадрами, город так же наводнили представительницы «блудливого войска», пожалуй, можно удалить пару строк.

Всем известно, что со времён крестовых походов, вслед за рыцарским войском на Восток двигались толпы доступных женщин. На протяжении всего Средневековья множество представительниц древнейшей профессии кочевали с места на место. Их можно было видеть при дворах; а так же там, где происходили какие-либо пышные торжества: свадьбы, коронации, имперские сеймы, турниры, ярмарки. Иными словами, повсюду, где только можно ожидать повышенного спроса на их услуги.

Нынешний Копенгаген, с массовым наплывом «голодных моряков», конечно же, не стал в том списке исключением. Вместе с разноязычным пьяным песнопением то там, то тут слышался залихватский женский смех, либо весёлый девичий визг.

В общем, моряки, отпущенные на берег, ни в чём себя не ограничивали. Пили, гуляли, играли, искали доступную любовь. Ну, как ещё могут отдыхать люди, большую часть своей жизни, проводившие в открытом море, в замкнутом пространстве своей шхуны, на протяжении многих месяцев созерцавших одни и те же лица членов своей команды.

– ...Ребята, к как вам вон та белокурая цыпочка? По-моему, вполне себе ничего... – мечтательно произнёс молодой человек в военном камзоле. Причём, данная фраза была произнесена им на чисто русском языке, да ещё и с Вологодским говором.

Именно так. Среди всевозможного европейского многоголосия, как-то совсем уж неожиданно прозвучала непривычная для данных мест славянская речь, к которой только-только начали привыкать, как датчане, так и голландцы с англичанами. Четверо русских офицеров, нынче были отпущены с фрегата «Полтава» на берег. В то время, как вышеупомянутую блондинку, которая в компании с иностранными моряками о чём-то мило щебетала по-немецки, подметил Семён Лазарев, молодой человек двадцати четырёх лет отроду.

Невзирая на свой юный возраст, Семён занимал на «Полтаве» должность корабельного комисара. Прошу учесть, что грамматической ошибки здесь вовсе нет. Именно так в начале восемнадцатого века именовался один из младших офицерских чинов. Корабельный комисар отвечал за продовольственное, вещевое и денежное снабжение; занимался учётом, контролем и выдачей всего вышеозначенного. Лазарев являлся непосредственным начальником купоров и ботелеров. По-современному, корабельный комисар был одновременно начпродом, начвещем и начфином корабля.

– Ты прав, Семён. Барышня, и впрямь не дурна собой... – согласился с Лазаревым, Мирон Русаков. – ... Однако чтобы провести с этой милашкой ночь, для начала её следует

отбить у того голландского капитана, за столом которого она нынче пьёт пиво. Примерно полгода назад, я имел честь, видеть этого самого голландца в бою со шведами, потому и не советую я кому-либо перейти данному господину дорогу.

Двадцати семилетний Русаков, в данной компании был не только старшим по возрасту, но и по должности. Лейтенант пятидесяти четырёх пушечного парусного линейного корабля «Полтава». В ряде статей Устава, данная должность так же именовалась, как порутчик (и вновь, нет никаких опечаток или грамматических ошибок). Лейтенант являлся помощником капитана. Говоря современным языком, в те времена лейтенант значился вахтенным офицером, начальником вахты, то есть, части экипажа, несущей корабельную службу в данный отрезок времени.

Компанию Семёну Лазареву и Мирону Русакову, ныне составили Глеб Демидов и Герман Говоров.

Двадцатишестилетний Глеб на фрегате «Полтава» занимал должность констапеля. Констапель – младший офицерский чин. Если быть более точным, то начальник артиллерии. По Уставу констапелю запрещалось вмешиваться в действия офицеров корабля. Он занимается исключительно артиллерией. И только в случае выхода из строя всех офицеров судна (штюрмана и шхипера) вступал в командование кораблём. Констапель отвечал за пушки, пушечные станки, ядра, гранаты, кнйптели, порох, насыпки, пыжевники, мерки пороховые, весы, гири, банники, картузы пороховые, клинья, тали. Именно он проверял качество пороха, размер и вес ядер, обучал прислугу при пушках, распоряжался людей по пушкам. В бою констапеля управляли огнём артиллерии корабля.

Наконец, Герман Говоров – молодой офицер, которому только-только исполнилось двадцать четыре года. На «Полтаве» он занимал должность ундер лейтенанта (в ряде статей именуется также подпорутчиком). То есть, младший помощник капитана. По порядку вступления в командование кораблём, при выбытии офицеров корабля из строя, последний из строевых офицеров. В этом отношении стоит выше констапеля, корабельного комисара и корабельного секретаря.

Компания русских офицеров уж битый час блуждала по узким улочкам Копенгагена в поисках более и менее тихого уголка в каком-либо питейном заведении с отдельным, чистым столиком.

Объединяла их не только служба Отечеству, принадлежность к одному флоту, кораблю, языку, вере. Но и, конечно же, молодецкий задор, удаль, азарт, желание приключений, стремлению к новизне и романтике. Они были в том самом возрасте, когда кажется, будто бы, всё тебе по плечу, когда кипит кровь и нет предела твоей внутренней энергии.

Ещё пять-семь лет назад никто из них, не смел, и мечтать о службе на офицерской должности и уж тем более, о путешествии к далёким землям Голландии или Дании. Однако, согласно упоминаемым ранее словам Пётра Великого: «небываемое бывает».

Глава 2

– Друзья, а ведь ещё пару лет назад, я учился в этих краях... – вдруг спохватился Глеб Демидов. – ...Пойдёмте со мной, и знаю здесь одно весьма тихое и уютное местечко.

– Помниться, и мне проходило учиться в здешней флотской школе... – усмехнулся в ответ Мирон Русаков. – ...Однако по портовым трактирам с матросами и шлюхами, я вовсе не шлялся. Далее прибрежной черты мне и в голову не приходило отлучиться.

Тем не менее, предложение Демидова показалось сослуживцам весьма и весьма заманчивым, потому и потянулись молодые люди вслед за Глебом. Да, собственно, и деваться-то им было, попросту некуда – уж лучше довериться более знающему товарищу, чем попусту таскаться по чужим тупикам и непонятным закоулкам.

Вдоль прибрежной черты офицерам пришлось пройти порядка восьми кабельтовых, дабы найти ту самую харчевню, о которой ранее говорил Демидов. И действительно, это было вполне пристойное заведение, без пьяной толпы матросов и более и менее чистым залом.

К тому же, долгий путь был компенсирован ещё и добротным пивом и отлично прожаренным куском баранины.

Присели за отдельный столик, выпили за здравие Российского флота, потом за царя-батюшку. На душе повеселело и, как-то совсем уж незаметно, потянуло офицеров на фривольные и весьма скользкие мысли.

– Я тут вспомнил ту белокурую немецкую бестию... – в самый разгар пирушки заговорил Герман Говоров.

– Что, дружище, зацепила красотка? – усмехнулся в ответ Глеб Демидов.

– Я не об этом. Хочу поговорить о таком явлении, как продажная любовь.

– Честно сказать, я и сам удивляюсь, насколько глубоко коммерческий интим проник в жизнь цивилизованной Европы... – поддержал разговор Русаков. – ...И уж в который раз убеждаюсь в лживости европейской морали.

– Ты сейчас о чём? – попытался уточнить Демидов.

– О том, что с одной стороны общественность большинства европейских городов продажную любовь осуждает. С ней вроде бы, как борются... – поспешил пояснить Мирон. —... С другой стороны, из соображений «меньшего зла», данное явление оправдывается, регламентируется и упорядочивается. Более того, даже церковь готова закрыть глаза на этот богохульный разврат.

– Ну, а чего ты хотел?.. – вставил своё слово Лазарев. – ...Я слышал, что многими борделями владеют именно католические иерархи. При этом продажные девки соблюдают посты, участвуют в торжественных городских мероприятиях, порой выполняют какие-то представительские функции.

– В Голландии, где я учился... – припомнил Говоров. – ...Имеются целые «женские улицы», граничащие с городскими стенами.

– Так ведь само слово «бордель»... – уточнил Лазарев. – ...От французского «bord» – «край».

– Как только не называют эти дома терпимости, в той же самой Голландии... – продолжил свои воспоминания Герман. – ...И «женскими домами», и «домами дочерей», и «общими домами», и «открытыми домами», и «домами распутниц»... В то же время распутных девок именуют общими жёнами, общими бабами, бродячими дочками, продажными женщинами, развратницами, распутницами, свободными дочерями или просто милашками.

– Ребята, о какой морали вы сейчас толкуете?.. – возмутился Демидов. – ...Вам-то какое дело до европейской безнравственности? Лично я, обеими руками «за» «дома терпимости».

Или кто-то из вас сейчас скажет, будто бы, ни разу не захаживал к продажным девкам? Не провёл в домах развратниц и полчаса, хотя бы из чисто мужского любопытства?

– Кто бы спорил. Конечно, ходили... – вынужден был согласиться Лазарев. При этом он мечтательно закатил глаза вверх. – ...Эти бестии такое иногда вытворяют...

– В каком смысле «вытворяют»? – с искренней любопытством задал свой вопрос Говоров.

– О том, что проделывают эти блудницы. Как они порой опускаются на колени и своими нежными губками... – с нескрываемым удовольствием принялся объяснять Демидов.

Однако его тотчас же оборвал на полуслове Русаков.

– Срамота это всё, и бесстыдство...

– Heren, alstublieft...

Чужой посторонний голос, прозвучавший как-то совсем уж неожиданно, заставил офицеров замолчать и оглянуться.

Сразу за спиной Говорова стоял измождённый, небритый мужчина. Одет он был в старый, потёртый, а в некоторых местах и откровенно драный военный камзол. Сложно было определить его возраст, что-то от пятидесяти до шестидесяти лет. Руки незнакомца дрожали. Судя по говору и произнесённой им фразе, которая в переводе на русский означала: «господа, будьте так любезны...» – тот престарелый мужчина являлся голландцем.

– Чего тебе, юродивый? – на правах старшего поинтересовался Русаков.

– Ik ben een voormalig Navigator van het fregat «Fortuna»... облизнув губы, кое-как выдавил из себя оборванец.

– Говорит, что он бывший штурман фрегата «Фортуна», – пояснил Говоров, за годы учёбы немного освоивший голландский говор.

– Скажи ему, чтобы проваливал... – усмехнулся в ответ Лазарев. – ...У нас в России возле каждого кабака по дюжине таких вот штурманов.

В то время как Демидов и вовсе отпихнул попрошайку в сторону. Тот обречённо, медленным и шаркающим шагом направился к выходу из харчевни.

И только Говоров сжалился над убогим голландцем. Он догнал лоскутника и протянул тому золотую монету.

– Neem dit (вот возьми).

– Heel erg bedankt... – радостно залепетал бывший штурман. – ...Ik weet niet hoe ik je moet bedanken. Neem dit tenminste...

При этом ошарашенный Германом старец протянул Говорову колоду игральных карт. Герман попытался от неё отказаться.

– Nee, dat hoeft niet (нет-нет, не нужно)...

Однако оборванец оказался чересчур настойчив.

– In alle oprechtheid (от чистого сердца) ... – назвавшийся бывшим штурманом, вложил в руку Говорова ту самую колоду. – ...Mijn naam is Van dey Kuist. Accepteer (меня зовут Ван дей Кюйст; прими)...

– Oké, ik neem het (ладно, возьму), – Говорову ничего не оставалось, кроме как согласиться. Тем более что в харчевню на ту минуту уже успели ввалиться семеро бородатых моряков.

При этом Герману показалось несколько странной, последовавшая за тем реакция бывшего штурмана. Дело в том, что, передав русскому офицеру порядком затасканную колоду карт, Ван дей Кюйст выглядел гораздо счастливее, нежели парой мгновений назад, когда он получил из рук Говорова золотую монету.

Меж тем вошедшие в харчевню моряки вели себя чересчур по-хамски. Они были крепко выпившими и откровенно озлобленными. Говорову отчего-то показалось, будто бы этих гореморяков ранее выгнали из иного питейного заведения. Вот и пожаловали они сюда, дабы добрать положенную им норму спиртного, а за одно и мстительно «почесать свои кулаки».

И, похоже, предположения русского офицера имели под собой реальную почву. Кроме того, что вели себя бородатые посетители, как последние свиньи: орали, сыпали вокруг себя похабными ругательствами, брызгали слюной, с каким-то особым остервенением отшвыривали, попавшие на их пути столы и стулья, под тяжёлую руку англичан, случайно попал и сам Говоров, на тот момент, замешкавшийся с голландским попрошайкой у самого выхода.

– Get out!.. – один из бородачей ударив Германа в плечо, бесцеремонно отшвырнул ундер-лейтенанта в сторону.

Герману не раз приходилось слышать о грозном «ударе английских моряков». Сейчас же, отлетев к столу, за которым сидели трое его спутников, похоже, он ещё и испытал тот удар на самом себе.

– Ах ты, сука британская! – вскипел Демидов.

Русские офицеры одновременно вскочили со своих мест, разом обнажив шпаги. Как не крути, а была задета не только офицерская честь их боевого товарища, а ещё и честь Державы, которую они ныне представляли.

К Русакову, Лазареву, Демидову успел присоединиться и Говоров, встав плечом к плечу со своими сослуживцами.

Блеск стальных клинков несколько остудил пыл подраспоясавшегося «английского флота». В некотором ступоре непрошенные гости замерли на месте. Тут-то, улучив благоприятный момент, и рванули, было, малочисленные силы «русского десанта» в решительную атаку.

Однако бессмысленное кровопролитие меж нынешних союзников, всё же удалось предотвратить. Один из бородачей (более и менее трезвый) вышел вперёд, прикрыв своей широкой грудью, пьяное английское войско.

– That’s enough (всё, хватит) ... – англичанин поднял вверх руки. – ...I want to apologize for my guys. I think we went a little too far. We have drinks (хочу извиниться за своих ребят. Кажется, мы несколько перегнули палку. Выпивка за нами).

Английское слово «дринкс», как и русское «водка» – в особых переводах вовсе не нуждались...

Офицеры фрегата «Полтава» покинули харчевню достаточно поздно, когда на дворе уж совсем стемнело.

– Всё-таки хорошо, что мы не схлестнулись с этими англичанами... – в полумраке улицы, подметил прилично поднабравшийся Русаков.

– Не переживай. Если б дело дошло до реальной схватки, то будь уверен, мы бы не оставили британцам и шанса, – усмехнулся в ответ Демидов.

– И какой был бы в том толк... – тяжело вздохнул Говоров. – ...Если разобраться, то англичане оказались вполне нормальными ребятами.

– Рассуждая так, как ты нынче рассуждаешь, очень скоро можно прийти к выводу, что и шведы могут быть вполне приличными людьми... – развил первоначальную мысль Лазарев. – ...Уж точно, не хуже наших британцев.

– Эх, и разбередили вы мне душу своими разговорами о борделях... – всматриваясь в темноту, завертел своей головой Глеб Демидов. – ...Пожалуй, прогуляюсь-ка я к своей старой зазнобе. Ведь не каждый день нас отпускают на берег до утра. Потому и грех, не использовать каждую минуту, предоставленной нам свободы.

– Не желаешь нас с собой взять? – как-то совсем уж издали поинтересовался Семён Лазарев.

– Отчего же? Пошли... – недолго думая, согласился Демидов. – ...Так уж и быть, покажу вам настоящий Женский переулок, Женскую слободу, Закоулок девственниц, Переулок роз с красными фонарями и удивительными барышнями.

– Глеб, я что-то не пойму... – усмехнулся Русаков. – ...Ты здесь учился или бледовал?

– И то, и другое... – задорно ответил Демидов. – ...В отличие от некоторых малахольных, сил и энергии у меня на всё хватало.

Глава 3

Как позже выяснилось, молодые люди напрасно потратили битый час на полуночную прогулку к одной из окраин города. Бордель оказался закрыт. Закрытыми были и соседние заведения аналогичного профиля.

Болтавшийся у крыльца вышеозначенного борделя: ни то дворник, ни то сторож (а может, ещё какой служака) пояснил следующее:

– С недавних пор, часы работы женских домов Копенгагена строго регламентированы. Запрещена работа в первой половине дня, а также в канун воскресений и прочих церковных праздников. Если вы не в курсе, то завтра празднование Успения Пресвятой Богородицы, посвящённое воспоминанию о кончине Божией Матери Марии, и её телесного вознесения на небеса. Данный праздник в католической иерархии имеет статус торжества, высшей степени. Потому, вы нынче и не найдёте в городе открытых домов терпимости. Так что, молодые люди, ищите свободной любви и доступных девочек на улицах города. Возможно, вам удастся заполучить кого-то из приезжих дам. Они нынче не только нарасхват, но и в хорошей цене.

– Выходит, не повезло... – тяжело вздохнул Глеб. Он уж собрался податься прочь, как спохватившись, вновь обратился к полуночному датчанину. – ...Милейший, не подскажешь, как поживает мадмуазель Клотильда? Помнится, пару лет назад была здесь одна, весьма привлекательная куртизанка.

– Конечно же, я понял о ком именно идёт речь. Была здесь такая... – в знак согласия закивал головой служака. — ...Да, только, увы... Полгода назад Клотильда скончалась.

– Как?.. Отчего?.. Что с ней случилось?.. – обескураженный Демидов схватил за рукав датчанина. Очевидно, весьма хорошо врезалась в его память та жрица любви.

– Негодная хворь... – как бы, между прочим, ответил местный. – ...Данную хворь, так же именуют французской болезнью.

– Никогда ранее не слышал о подобном недуге... – ничего не понимая, тряхнул головой Глеб.

– Пошли-пошли... – Мирон толкнул Глеба в спину, увлекая того прочь. – ...Я по пути тебе всё объясню.

Возвращаясь в центр Копенгагена Русаков, как умел, разъяснил соотечественнику то, что сам едва знал о заморской болезни, ныне известной под названием сифилис.

– ...Короче, страшная зараза. К тому же, весьма коварная. Потому как поражает самое святое... – Мирон закончил своё долгое повествование, когда офицеры вновь вышли на пристань.

– Кто знает. Быть может, и хорошо, что мы не попали нынче в бордель, – под сильным впечатлением от услышанного, высказался Семён Лазарев.

– Семён, если ты опасаясь благородного борделя, то и не хрен тебе было засматриваться на немецкую блондинку. Ту самую, что визжала на коленях голландца... – огрызнулся в ответ Демидов. – ...Потому как подхватить негодную хворь, именно с ней было бы гораздо проще.

– По-моему, самое время вернуться в харчевню, которую мы совсем недавно покинули... – махнул рукой лейтенант. – ...Продолжим братание с английскими моряками.

– И то верно, – поспешил согласиться Русаков. Его никак не могли покинуть тяжёлые мысли о диковинной заморской болезни. Потому и собирался он залить ту душевную червоточину приличной дозой спиртного.

Вслед за Мироном потянулся и Глеб с Семёном.

– Друзья, идите без меня... – чуть замялся Говоров, не тронувшийся с места. – ...А я, пожалуй, вернусь на «Полтаву». Устал, да и в сон меня сильно тянет.

Если разобраться, то именно усталость была тут вовсе не причём. Просто пьяная ночь в абсолютно чужом городе, да ещё и в одном питейном заведении с бандой неадекватных англичан, Германа вовсе не прильщала. Тут могло случиться всякое. В то время как Говорову совершенно не хотелось огорчить своего престарелого отца, бывшего шаутбейнахта (табель о рангах относит этот чин к четвёртому классу; позднее данный чин будет переименован в контр-адмирала). Кроме того, Герман дорожил своей должностью, своим местом на судне. Морем он бредил ещё с детства. Более того, невзирая на регалии отца, он самостоятельно прошёл весь путь от простого матроса до ундер-лейтенанта крупного военного фрегата.

Потому и поспешил Герман, вернулся на «Полтаву».

Оказавшись в своей каюте, Герман снял камзол. Почувствовав несколько тяжеловатый вес верхней одежды, офицер опустил руку в карман и обнаружил в нём ту самую колоду карт, переданную ранее ночным попрошайкой.

В свете зажжённой свечи Говоров поворошил в руках атласные картинки. В принципе, в них не было ничего необычного. Стандартная колода из пятидесяти четырёх карт. А впрочем, был в ней и ряд довольно странных, пусть и малозначимых особенностей. К примеру, четыре карты, относящиеся к «двойкам», выглядели абсолютно новенькими, будто бы их только только нарисовали. Ну, а далее, чем масть была выше, тем карта была более потёртой. Кроме того, если в привычных для Германа колодах, так называемые швальные карты (от двойки до десятки), обычно вовсе не имели картинок, то в колоде, которую он ныне держал в своих руках, на всех картах (даже самого низшего ранга) были нанесены свои изображения. Теми изображениями являлись портреты довольно-таки привлекательных представительниц противоположного пола.

«Наверняка, пригодиться...» – подумал в ту минуту ундер-лейтенант, бросив колоду на каютный столик.

Офицер прилёг на койку, закрыл глаза. Пытаясь уснуть, вдруг вспомнил недавние разговоры о домах терпимости, о распутных девках. Вспомнил он и о блондинке, звонко смеявшейся в компании с голландским моряком.

Медленно погружаясь в сон, слух Говорова как будто бы уловил посторонний шорох.

Чуть приоткрыв глаза, он заметил в темноте каюты нечто белое, сильно контрастирующее с корабельной ночной темнотой.

В определённой тревоге офицер привстал, потом присел, схватившись за шпагу. И лишь после взгляделся в то, что изначально привлекло его внимание.

«Не может быть!...»

Чувство опасности постепенно переросло в удивление и даже некоторую растерянность. Удивление Германа было вызвано тем, что в лунном свете он вдруг различил силуэт дамы. Точнее молодой девушки, стоявшей в самом тёмном углу каюты.

«Как она сюда попала?.. – таковой была первая мысль, пришедшая в голову ундер-лейтенанта. На всякий случай Говоров выглянул в пустынный корабельный коридор, там никого. – ...Очевидно, это сон. Наверняка, я успел уснуть. Причём, данное сновидение, обещает быть, весьма и, весьма приятным».

– Ты кто? – поинтересовался Герман, обращаясь к ночной незнакомке.

Та промолчала, лишь немного повела своими худощавыми плечиками, дескать, не понимаю.

«Наверно иностранка».

– Как тебя зовут? Как твоё имя? – следующий вопрос был задан на голландском и немецком языках, которые Говоров немного понимал.

– Карин, – меж тем, ответила девушка на языке, который оказался ему абсолютно понятен.

«Нет, не иностранка».

Вглядевшись в лицо таинственной гостьи, Говоров нашёл её весьма привлекательной особой. На ней была лишь накидка из тонкого материала. Через ту прозрачную ткань просматривались девичьи приподнятые груди, плоский животик. А чуть ниже животика виднелся тёмный аккуратный треугольник. Именно этот самый бугорок в первую очередь и привлёк внимание Германа. Более того, тот треугольник его возбудил, в прямом смысле этого слова.

Весьма и весьма пикантная, если не сказать провоцирующая ситуация.

«Сон или явь?.. То, что сейчас происходит – это бесспорно сон. Или не сон?.. – в мыслях ундер-лейтенанта наступил определённый хаос. – ...Наверняка, сновидение. Так чего ж мне теряться?..»

Бывали случаи, когда для поддержания разговора в чисто мужской компании, Герман мог прихвастнуть своими сексуальными похождениями. В действительности, этот самый опыт был у молодого офицера весьма не богатым. Два-три контакта, да и то отчасти случайных, связанных с горничными и прочей прислугой в его фамильном имении. Меж тем в бордели или ином сексуально-увеселительном заведении, ундер-лейтенант так ни разу и не был. Возможно, поэтому Говоров и отказался от продолжения нынешних ночных приключений в компании с сослуживцами. Он предпочёл вернуться на фрегат, опасаясь ударить в грязь лицом в присутствии друзей-офицеров.

Повторюсь, Говоров был совершенно неопытен. Учитывая данное обстоятельство, станет понятно и почему он, без каких-либо лишних прелюдий сразу перешёл к делу. Точнее, к телу...

Мужская рука бесцеремонно легла на самый низ женского бедра. После чего, начала медленно подниматься вверх, забираясь под ту самую лёгкую накидку.

Дама вовсе не пыталась остановить несколько нагловатую руку Германа. Более того, у офицера сложилось полное ощущение, будто бы молодая особа преднамеренно чуть подседа, дабы рука Говорова поднялась ещё выше. Причём, чем ближе его ладонь приближалась к верху, тем сильнее дама направляла её к внутренней стороне бедра. Наконец, ладонь коснулась того самого тёмного бугорка, который собственно и затуманил разум молодого человека.

Дама принялась бормотать что-то невнятное. Похоже, она пыталась попросить Германа действовать более напористо. Что, несомненно, придало Говорову уверенности. Его пальцы несколько раз потёрли даму именно там, ... Незнакомка учащённо задыхалась, ундер-лейтенант почувствовал на своей щеке её горячее дыхание. Грудь девушки нервно вздымалась. При этом она принялась ёрзать из стороны в сторону. Когда ж пальцы Германа повторили своё действие, ночная гостья, прогнувшись всем телом, приглушённо застонала.

Говоров по-прежнему воспринимал всё происходящее как приятный сон. Меж тем, его ощущения были чересчур реальными и весьма сильными. Незнакомка была достаточно податлива, ничего подобного он ранее не испытывал. В некоем исступлении офицер сорвал-таки с партнёрши лёгкую накидку и быстро сбросил с себя всё, что было на нём надето.

В следующее мгновение Говоров уложил Карин на кровать, и нервно принялся разводить её ножки в стороны. Одновременно он ещё и навалился на неё сверху. Дама оказалась вовсе не против дикого по отношению к себе обращения. Она приветливо раскинулась на кровати, обвив своими руками тело молодого человека.

Без каких-либо сомнений Герман почувствовал под собой вполне реальное девичье тело. Вновь в душу офицера закрались сомнения: а сон ли это? Да, и женские губы, которые нежно прикасались к лицу ундер-лейтенанта, воспринимались им как нечто естественное. Так или иначе, он Говоров вынужден был признать, что данные, интимные приключения, как и его партнёрша, вовсе не сон. По крайней мере, его нынешние сновидения, в которых он прибывал на данную минуту, были весьма и весьма необычными.

«Да, и чёрт с ним!..» – более не в силах сдержать своей похоти, Герман принялся тыкаться своим достоинством, как слепой котёнок, в нечто мягкое и чрезвычайно нежное. Юное создание слегка приподнялось, дабы задать правильный вектор движения, наивно надеясь на то, что её возбуждённая плоть вполне справиться с мужским естеством.

Сквозь затуманенное сознание, Говоров предвкушал тот самый момент, когда он полностью овладеет дамой, и почувствует неописуемую благодать своей долгожданной разрядки. Ещё один толчок тазом, и вот, раздвигая нечто упругое, он всё же протиснулся вглубь. Ощущение были просто невероятные, от наслаждения офицер даже застонал.

Девушка вскрикнула, очевидно, от боли, и напряглась всем своим телом...

Глава 4

Говоров проснулся весьма рано, когда фрегат «Полтава» всё ещё спал. Только-только забрезжил рассвет.

Потянувшись, оглядел каюте. Сейчас он был один. То прелестное создание, с которым Герман провёл практически всю предыдущую ночь, куда-то исчезло.

«Ах, да. Ведь это был лишь сон. Весьма и весьма приятное, романтическое сновидение, наверняка навеянное вчерашними блужданиями по ночному Копенгагену, с непрерывной болтовнёй о девушках лёгкого поведения».

Ещё раз потянувшись, офицер встал с кровати. На растрёпанной простыне, он вдруг обнаружил небольшие пятнышки засохшей крови.

«Она что ж, действительно, была здесь?.. Более того, Карин оказалась ещё и девицей?.. – в некотором замешательстве призадумался ундер-лейтенант. – ...Помнится, именно об этом и призналась мне чудесница, когда я засыпал в её сладких объятиях. Стоп. Значит, то был вовсе не сон...»

Размышляя о тайносплетениях минувшей ночи, Говоров прошёлся по каюте, приблизился к столу и взял в руки лежавшую на нём колоду карт. Машинально перетасовал её и вытянул наугад одну из атласных картинок. То был покер. Вытянул ещё одну. Пятёрка пик. Развернул колоду веером. И тут вдруг внимание ундер-лейтенанта привлекла карта под мастью: «двойка бубей». Дело в том, что лицо девушки, изображённое на той самой карте, было чрезвычайно схоже с лицом нынешней ночной незнакомки. Точнее, между ними, вовсе не было никакой разницы.

Причём, если вчера Говоров подметил, что все двойки в данной колоде были сравнительно новенькими, то, теперь одна из них (именно «двойка бубей») выглядела несколько потасканной. А, впрочем, то было лишь предположением, наверняка вызванное исключительно мнительностью самого Германа, а также ранее пережитыми волнительными моментами минувшей ночи.

С утра стало известно о том, что трое офицеров отпущенных на берег вместе с Говоровым, на фрегат так и не вернулись. Герман, вызванный к капитану, что-либо пояснить по данному поводу, не сумел. Да, и что Говоров мог сказать, если расстался он со своими спутниками около полуночи, потому и не ведал, куда те далее подались.

Чуть позже, когда капитан судна успел выдать распоряжение о начале поисков пропавших офицеров, на борт фрегата было передано официальное послание, в котором власти города Копенгагена уведомили командование линейного корабля о том, что офицеры с судна «Полтава»; а именно: Лазарев, Русаков и Демидов – минувшей ночью были арестованы за неподобающее поведение.

С ночными спутниками Германа, похоже, случилось то, чего изначально и опасался Говоров. Наверняка они напились, затеяли склоку и как результат попали под арест, со всеми вытекающими из того последствиями.

На вызволение опальных офицеров отправили довольно-таки серьёзную делегацию. Возглавил её тридцати пятилетний лейтенант Наум Аничков. Компанию лейтенанту составил корабельный секретарь Борис Стародубский, сорока лет; а также лекарь Николай Муромский. Вместе с ними был откомандирован и Герман Говоров, как офицер, последним, видевший вышеозначенных арестантов.

Если о должности лейтенанта читатель уже имеет некоторое представление, ну, а корабельный лекарь в каких-либо дополнительных комментариях и вовсе не нуждается, то о должности корабельного секретаря, пожалуй, стоит сказать пару дополнительных слов. Секретарь в русском флоте той поры, по сути, являлся помощником капитана по учёту личного состава

и штабной работе. Он контролировал работу всех служб снабжения, переписки. Секретарь вёл бортовой журнал, знакомил экипаж с Уставом, письменными приказами и распоряжениями старших флотских начальников, вёл судебные протоколы, составлял контракты на поставку припасов. При этом корабельный секретарь не имел права, покидать борт корабля пока тот не будет поставлен на длительную стоянку и не будет разоружён. Исключением являлся, как раз тот самый случай, о котором и идёт ныне повествование. То есть тогда, когда секретарь должен был исполнять свои обязанности непосредственно на берегу.

– Когда мы можем забрать наших офицеров? – как, и положено, переговоры вёл лейтенант Аничков, старший по должности. С переводом ему помогал Стародубский.

– Да хоть сейчас... – усмехнулся в ответ начальник полицейской службы. – ...Главное, чтоб вы их сразу доставили на борт корабля, и более не отпускали на берег. Уж больно они задиристые и драчливые. Задержанных выведут минут через пять-семь. Пока ж вы можете забрать их оружие.

После чего, Аничкову были переданы шпаги и кортики.

В помещении полицейского участка, кроме русских офицеров, прибывших за своими сослуживцами, присутствовали ещё трое. Судя по морской форме, Говоров сразу определил их принадлежность к голландскому флоту. Похоже, голландские офицеры так же прибыли за своими сослуживцами, успевшими набедокурить минувшей ночью.

Пока ожидали задержанных, Герман внимательно вслушивался в разговор тех голландцев. Ундер-лейтенант хорошо понимал, о чём те говорят. И в первую очередь, внимание Говорова привлекло упоминание шхуны «Фортуна». Слово «Фортуна» они упомянули не менее десяти раз. Именно поэтому ундер-лейтенант и посчитал, что голландцы имеют самое непосредственное отношение к данному кораблю. А ещё Герман вспомнил о том, что именно об этом самом судне упомянул нынешней ночью оборванец, получивший от Германа золотую монету.

Улучив благоприятный момент, когда голландцы вдруг замолчали, Говоров обратился к ним с достаточно простым вопросом.

– Если не ошибаюсь, вашим судном является «Фортуна»?

– Да, так оно и есть... – с некоторой настороженностью ответил один из голландцев. – ...А в чём, собственно говоря, дело?

Кроме иностранцев, на Говорова с опаской оглянулись и офицеры фрегата «Полтава». Дескать, что может быть общего у русского ундер-лейтенанта с иностранными моряками?

– На сколь мне известно... – не обращая внимания на своих соотечественников, продолжил расспрос Говоров. – ...Штурманом на вашем корабле ранее служил некто Ван дей Кюйст. Возможно, я несколько ошибся с именем. Да, и судя по возрасту, Ван дей Кюйст служил на вашей «Фортуне» довольно-таки давно...

– Отчего же, «давно»?.. – на сей раз, с определённым недоумением переспросил один из голландцев. – ...Ван дей Кюйст, был списан на берег не более недели назад. Сразу по прибытию в Копенгаген.

– Позвольте узнать причину его списания на берег? – не унимался Герман.

– У него обнаружилась серьёзная болезнь.

– Очень серьёзная болезнь... – поддержал разговор ещё один иностранец. — ...За какой-то месяц он, крепкий и здоровый мужчина, вдруг превратился в измождённого старика.

– Что это была за болезнь? – пришлось напрячься уже Говорову.

– Порча... – непроизвольно вырвалось у третьего голландца. – ...Чёрное колдовство. Он был сильно околдован. Быть может, ему кто-то позавидовал или насрал любовный приворот...

– Прекрати молоть чушь... – на полуслове, его оборвал первый из собеседников Германа. – ...Как судовой врач, я с полной уверенностью могу заверить вас в том, что симптомы недомогания, выявленные у штурмана, не соответствуют ни одной из известных нам болезней.

Скорее всего, вместе с сифилисом и прочей заразой её завезли к нам из Нового Света... – сделав короткую паузу, судовой врач продолжил. – ...Молодой человек, за Ван дей Кюйста вы можете не переживать. Мы поместили штурмана в очень хорошую клинику и надеемся забрать его в следующее посещение Копенгагена. То есть, спустя дней десять.

– Боюсь, но он уже не в клинике... – тяжело вздохнув, констатировал Говоров.

Однако договорить Герман так и не успел, потому как открылась зарешёченная дверь и в полицейское помещение вышли трое задержанных офицеров.

– Эх, Говоров-Говоров!.. – встретившись взглядом с Германом, сокрушённо покачал головой Демидов.

– Я-то тут причём? – ундер-лейтенант в полном недоумении округлил свои глаза.

– Если б ты нас не бросил... – в поддержку Глеба зашептал Лазарем. – ...Мы бы наверняка навалили тем британцам. После чего, благополучно покинув ту самую харчевню, вернулись на фрегат...

Справедливости ради, стоит отметить, что наказание для «нашкодивших» офицеров оказалось достаточно мягким. Капитан «Полтавы», к молодым офицерам был нынче предельно благосклонен. Потому уже вечером Лазарев, Русаков и Демидов, в компании всё с тем же Говоровым, весело вспоминали подробности предыдущей ночи. Было естественным, что молодые люди хвастались, рассказывая о том, как британцы получили по заслугам, как они уносили ноги. И если бы не служащие полиции...

Среди ночи, разворачиваясь со спины на бок, Говоров вдруг обнял нечто тёплое. Чуть отстранившись, он приоткрыл глаза и взгляделся в темноту. К своему изумлению, Герман обнаружил то, что рядом с ним, под одеялом лежит абсолютно голенькая девушка с тёмными, длинными и слегка вьющимися волосами.

– Ты кто? – ещё толком не проснувшись, офицер задал первый, пришедший ему на ум вопрос.

– Кризанта, – тихо ответила девица.

– О том, что ты Кризанта, я понял сразу... – усмехнулся в ответ Говоров. – ...Скажи лучше, как ты сюда попала?

– А тебе, какая разница? – хихикнула в ответ барышня.

«И действительно, какого чёрта, я пристал к девчонке?» – мысленно согласился Герман.

Вместо ответа ундер-лейтенант прижался всем телом к юной Кризанте, полностью ощутив жар её мягких прелестей. Девушка чуть задрожала и как будто бы тихо застонала, что придало Говорову большую уверенности. Свою похоть, свои животные инстинкты он успел удовлетворить ещё вчера, когда соития с Картин происходило несколько сумбурно, стихийно, потому и не мог он вспомнить что-то конкретное. Ну, а сегодня Говоров жаждал уже неких изысканных наслаждений. Теперь он мог насладиться каждым мгновением, рассмотреть каждый сантиметр женского тела, без какой-либо спешки, гонки и прочих необдуманных действий. Потому и принялся Говоров медленно двигаться своим телом, потираясь возбуждённым мужским достоинством о бугорок с небольшой порослью мягких, пушистых волос. Эта самая растительность отчасти символизировала девичье целомудрие и непорочность, что в ещё большей степени распаяло Германа.

Офицер немного волновался, потому и не решался перейти к следующему этапу близости. Говоров так и продолжал целовать влажные и горячие губы Кризанты, в надежде получить от неё некий сигнал для продолжения. И он его получил...

А, впрочем, гостя и без того, прижималась к Герману всем своим телом. Чем не сигнал? И всё же ундер-лейтенант опасался спугнуть Кризанту, чем запросто мог всё испортить.

– Войди в меня, – прошептала она, в самое ухо офицера.

После этих самых слов всё стало ясно и понятно, уже не было и не могло быть никаких сомнений и неопределённостей.

Немного передвинув лёгкое тело Кризанты, Говоров повернул её так, чтобы девушка оказалась под ним. Данная поза (иных ундер-лейтенант более и не знал) возбудила его ещё сильнее. Герман чувствовал, как грудь ночной гостьи поднимается и опускается, как она часто дышит. Похоже, Кризанта волновалась не меньше ундер-лейтенанта. Дама расслабилась лишь тогда, когда сама помогла Говорову, чуть приподняв свои ножки, чем лишила себя последней «защиты». Что-то жаркое и твёрдое упёрлось девушке между ног, она вздрогнула и замерла, ожидая проникновения. Однако Герман не спешил. Он хотел возбудить партнёршу ещё сильнее. Если вы помните, то сегодня он был менее агрессивен, менее ненасытен, нежели вчера.

Говоров продолжал мучить даму до тех пор, пока сам не почувствовал неприятную ломоту где-то в области своего паха, ему требовалась срочная развязка. Прекратив игру, ундер-лейтенант потянулся рукой к Герману-младшему и, обхватив того своей ладонью, принялся примеряться к вожделенному гроту. Очевидно почувствовав, что очень скоро всё случится Кризанта обвила офицера своими нежными ручками. Тут-то, совершив небольшое поступательное движение, ундер-лейтенант проник в нечто нежное и обволакивающее. Причём, проник он с некоторым трудом. Отчего-то Герман вспомнил Карин, вчерашняя девственница.

И словно в подтверждение его мыслей, Кризанта вдруг издала болезненный стон. Говоров замер, оставаясь внутри её. Офицер не совсем понимал, что ему стоит делать дальше.

«Продолжать?.. А вдруг он причинит ей новые болезненные ощущения?.. Прекратить всё и выйти?.. А вдруг впоследствии она не согласится на повторное проникновение, при этом, я так и останусь один на один со своей неудовлетворённостью?..»

– Как ты? – тихо шепнул Герман.

– Мне больно... – так же тихо ответила Кризанта. – ...Но уже не так, как в первые секунды. Думаю, это скоро пройдёт.

– Почему не сказала, что ты девица? – едва ли не возмутился мужчина.

– Разве это что-нибудь изменило?.. – тяжело вздохнув, ответила дама. – ...Я хотела тебя... Я и сейчас хочу. Дай мне минутку, чтобы боль чуть утихла.

Говоров поцеловал девушку, и она тотчас ответила офицеру своим поцелуем. Герман-младший по-прежнему находился внутри неё, чуть затаившись. Они целовались, наслаждаясь друг другом, до тех пор, пока Кризанта не шепнула, что хочет попробовать продолжить.

Мужчина сделал неспешное движение назад, ожидая, что дама скажет, дескать, ей всё ещё больно. Однако та промолчала. Тогда Говоров осторожно вновь проник внутрь. Девушка под ним тихо застонала. В том стоне слышались лишь слабые отголоски боли, гораздо больше в них было удовольствия и наслаждения. Опершись руками в кровать, Герман принялся совершать равномерные движения, наслаждаясь её тихими постаныванием.

Прошло не мене пары минут, прежде чем офицер решил взять более быстрый темп. Сделав несколько пробных резких движений, на которые партнёрша отозвалась всё теми же приглушёнными стонами, он начал двигаться более уверенно. Тут-то и почувствовал Говоров, как ногти Кризанты впиваются в его спину, а стоны становятся всё более и более приятными, и громкими.

– А-а-а-а... Мне хорошо... – вдруг призывно зашептала дама. – ...Да-да-да. Ещё-ещё...

Всей своей плотью Говоров ощущал весьма тугой проход, который быстро начал приспособливаться к его мужскому органу. Офицеру нравилась та узость, нравились те девичьи стоны. В том было гораздо больше адреналина, нежели приятных ощущений.

И тут девушка вскрикнула довольно громко. Герману даже пришлось закрыть ей рот своей ладонью. При этом, за какую-то секунду до того, как Кризанту накрыло высшее наслаждение, ундер-лейтенант заметил её затуманенный взгляд. Очевидно, то было самым первым в её жизни удовлетворением. Ногти барышни уже всюду раздирали спину Говорова, в то время, как её тело содрогалось от каждой новой волны наслаждения.

Герман себя уже не сдерживал. Сделав ещё несколько движений, он вдруг почувствовал, как где-то внутри Кризанты ударило нечто мощное, умопомрачительное. Дама прогнулась в спине, пытаясь усилить наивысшее наслаждение партнёра...

Глава 5

Проснувшись, Герман сразу схватился за колоду, лежавшую на каютном столике. Переворошив её, он тотчас отыскал в ней то, что искал.

Так и есть, «двойка трэф». Именно на этой карте было то же самое лицо, те же знакомые черты, что и у Кризанты. При этом, пристально вглядываясь в картинку всё той же «двойки трэф», офицеру показалось, будто бы девушка с карты ему вдруг подмигнула.

Постепенно Говоров начал осознавать, какое счастье свалилось на него с Небес, какое невероятное вознаграждение он получил от голландского штурмана, за переданную ему золотую монету. Словно сказочный волшебник, тот оборванец облагодетельствовал офицера фантастической колодой, которая обещала ему самый разнообразный интим на каждую ночь. Вновь развернув колоду веером, у Германа едва не потекла слюна – вон их сколько, рыжих, блондинок, брюнеток, шатенок, одна другой краше.

«Ну, а как иначе?.. – довольный собой, усмехнулся ундер-лейтенант. – ...Ведь это лишь я один смиловался над тем нищим, облагодетельствовав его, едва ли не недельным содержанием, в то время как остальные офицеры готовы были гнать голландца взашей...»

Правда, всё вышеозначенные размышления были пока что на уровне неких догадок, предположений. А быть может, то были лишь тайные желания и фантазии самого Говорова.

Чуть повернувшись, дабы дотянуться до камзола, офицер вдруг почувствовал острую боль в области спины. Подошёл к зеркалу и глянул на своё отражение. Вся спина Германа была расплосована параллельными царапинами. Не оставалось никаких сомнений в том, что нанесены они, были женскими коготками.

Выходило так, что две ночи подряд ундер-лейтенант и не бодрствовал, и не погружался в волшебное сновидение. Складывалось полное ощущение, будто бы Говоров переходил в какой-то иной мир, иную реальность, расположенную на границе реального и нереального. А быть может, по своей или чужой воле, он включился в некую загадочную и увлекательную игру, так и не успев познать её правила. При этом отыгравшие карты не сбрасывались в отбой, а доставались ему в качестве трофея. Если принять вышеозначенное за истину, в этом случае оставался открытым ещё один вопрос: с кем именно офицер играет, и что в итоге он может проиграть, либо напротив, приобрести?

«Да, какая в том разница?.. – весело отвечал сам себе Говоров. – ...Если данная игра доставляет мне неслыханное наслаждение и невероятное удовольствие, так чего ломать голову над второстепенными мелочами».

Примерно в том же, весьма приподнятом настроении Герман проснулся и на следующее утро. Минувшей ночью в его постели побывала рыжеволосая прелестница по имени Берта. Причём, эта самая Берты, ныне смотрела на него с карты номиналом: «двойка червей».

Укладываясь минувшим вечером спать, Говоров, конечно же, предвкушал очередное интимное приключения, однако он вовсе не предполагал, с каким, доселе неиспытанным им благоговением, офицер будет вспоминать о той ночи.

Дело в том, что Берта не просто лежала под Говоровым, тупо раздвинув ноги, как это прежде было с Кризантой и Карин... Да, собственно, и весь прежний интимный опыт офицера был связан лишь с одним положением тел. Речь сейчас идёт о исключительно горизонтальной проекции, когда мужчина находился исключительно сверху. Потому и любое новшество воспринималось Говоровым, как нечто диковинное, если не сказать больше: как нечто внеземное.

С приятной истомой офицер будет вспоминать, как Берта приподнимала свои стройные ножки и опускала их на плечи Германа. Именно в этом положении Говоров ощущал свои интимные движения более плотными, более ощутимыми. Когда ж ночная гостя и вовсе,

выскочив из-под ундер-лейтенанта, вдруг уселась на него сверху... Причём, оседлала она его так, что в лунном свете офицер мог видеть всё её стройное и гибкое обнажённое тело. Тут-то Говоров и вовсе поплыл от счастья. В этом самом положении от Германа и вовсе ничего не требовалось, ведь рыжеволосая проказница сама принялась производить какие-то немислимые телодвижения. Офицеру оставалось лишь расслабиться и получать поистине непередаваемое удовольствие.

Миновало уже три ночи. В постели Говорова побывали три разные дамы, причём, одна ни в чём не уступала иной, у каждой имелась своя изюминка. Как не странно, но все они в последствие оказывались не тронутыми девицами. Потому и воспринимал Говоров все предыдущие события не иначе, как щедрый подарок Небес.

Весь последующий день Герман был полон сил. Он шутил, поднимался вместе с матросами по бушприту, фок- и грот мачтам натягивал и подвязывал фок-марсель; прохаживался по оружейной палубе, спускался в носовой трюм – в общем, был весьма активен и достаточно энергичен. Причём, любое занятие, даже самое грязное или чересчур трудоёмкое, было ему исключительно в радость.

– Говоров, тебя кто укусил или ужалил? – глядя на энтузиазм ундер-лейтенанта, в шутку поинтересовался Демидов.

– Почему «укусил»? – не понял вопроса Герман.

– Да, просто ты какой-то нынче бешеный.

– Глеб, а ты сам вспомни, как в Уставе сказано. «И тако всяк может разсудить, что ни от чего иного, то последовало, токмо от доброго порядку. Ибо все беспорядочной варварской обычай смеху есть достойный, и ни какова добра из онога ожидать, возможно. Того ради будучи в сем деле самовидцы обоим, за благо изобрели Воинской устав учинить, да бы всякой чин знал свою должность, и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался...»

– Ты это сейчас к чему? – переспросил Глеб.

– К тому, что службу нужно нести, а не с британцами по кабакам кулаки чесать.

– Да, пошёл ты... – отмахнувшись, недовольно пробурчал Демидов.

«Да, и пусть злится. И вообще, пускай считает меня кем угодно. Эти придурки даже представить себе не могут, как порой может быть счастлив молодой человек... – покидая оружейную палубу, весело присвистнул Говоров. – ...Точнее, даже не «счастлив»... Скорее, речь идёт о некой гордости, повышенной самооценки.

Я действительно горд за то, что мне ныне подвластна любая баба. За то, что я вовсе не озабочен поиском скорых и беспорядочных любовных утех с грязными девками из портовых борделей. Нет-нет, о своей тайне я никому, никогда не скажу. Не дай-то Бог, сглазят...»

К вечеру, вернувшись в каюту достаточно уставшим, Герман аккуратно взял в свои руки заветную колоду, осторожно её перебрал, мысленно представляя, какие ещё сюрпризы она может ему преподнести. После чего, завернул ту колоду в белоснежный платок и спрятал карты от посторонних глаз, под подушку.

Ближайшей ночью, Говорова действительно поджидал сюрприз. Правда, он был скорее со знаком «минус». Причём, как позже признается самому себе Герман, те неприятности напрямую вытекали из его излишней самоуверенности, отчасти надменности и собственной же кичливости.

А впрочем, ближайшая полночь началась для ундер-лейтенанта, как и прежде, никаких намёков на возможные неприятности. Открыв глаза, офицер очередную нимфу. На сей раз перед ним предстала черноволосая девчушка, присевшая на краешек его койки. Полностью обнажённая юная особа, похоже, была вовсе не против ночных утех. По крайней мере, именно так показалось на тот момент Говорову.

– Как твоё имя? – абсолютно без эмоций поинтересовался Герман, будто бы данная информация для него вовсе ничего не значила.

– Хейла... – очень тихо ответила та.

– Надеюсь, ты будешь не против, разделить со мной любовное ложе? – проговорил хозяин каюты, и несколько бесцеремонно попытался притянуть к себе брюнетку.

Та вырвалась и встала посередине корабельного бытового помещения. При этом дама выглядела несколько испуганной и порядком опешившей. У неё будто бы полностью пропал дар речи, потому как барышня лишь открывала рот не в силах вымолвить ни слова.

Тем временем, Говоров времени зря не терял. Встав с кровати, он мигом снял с себя минимальный набор нижней одежды, после чего, закрыл дверь каюты на ключ. Не дав гостье опомниться, Герман развернул даму к себе спиной, и попытался наклонить брюнетку вперёд, в аккурат над расправленной постелью. По сути, он прибег к своему небогатому интимному опыту. Именно так он иногда поступал с одной из чересчур игривых горничных своего родового имения. Та деревенская девчушка, старше Германа лет на семь, любила изображать из себя недотрогу. Правда, то «насилие» было лишь игрой, забавой, прелюдией перед весёлым барахтаньем в мягкой постели. Горничной нравилось, когда ей овладевали после небольшого сопротивления. В данном же случае, всё обстояло несколько иначе.

Похоже, девушка пыталась воспротивиться на полном серьёзе. Высвобождаясь от жёсткой мужской хватки, Хейла активно принялась работать руками и коготками, при этом, она ещё и извивалась всем своим телом.

Однако было уже поздно. Говоров как-то удачно (причём, с первого раза, без холостых тыканий неизвестно куда) сходу вошёл в неё. И не просто вошёл, а проник на всю длину своего твёрдого стержня. При этом, Герман держал Хейлу за бедра, сильно прижимая к себе и совершая очень короткие толчковые движения.

– О-о-ох, какая ты сладкая!.. – шептал Говоров. – ...Какая горячая...

Дама упёрлась ладонями в кровать, ноги её слегка подрагивали. Кажется, она совершенно не слышала слов агрессора, пребывая в каком-то непонятном отрешённом состоянии. И вдруг Хейла звонко вскрикнула, потом ещё раз. Кричала вовсе не от возбуждения, а скорее от очень сильной боли.

– Не ори!.. – прикрикнул на неё Герман. – ...Если б ты не дёргалась, я бы сделал всё более аккуратно.

– Мне очень больно... – всхлипнула Хейла. Похоже, по её щекам текли сейчас слёзы. Однако Говоров этого не видел, потому, как перед его взором была лишь её спина, точёные бедра и два полушария упругих «булочек». И всё же, офицер замер. Сейчас он не двигался. Это помогло даме справиться с изначальными болевыми ощущениями. А впрочем, если бы мужчина вышел из неё, Хейле было бы гораздо легче.

Слившись в одно целое, они стояли довольно-таки долго. Офицер не двигался, он лишь ласкать своими ладонями спину партнёрши, мял булочки и, чуть нагнувшись, несильно сжимал её грудь. Возможно поэтому, то, что было нынче внутри девушки, вовсе не думало уменьшаться. Детородный орган продолжал быть таким же твёрдым, как и в момент проникновения. Именно этот факт наводил девушку на мысль о том, что рано или поздно, этот самый зверь всё же возьмёт то, зачем он, собственно, и пришёл (точнее, вошёл).

– Заканчивай уже побыстрее... – тяжело вздохнув, безучастно проговорила Хейла.

Детородный орган начало понемногу двигаться. Опасаясь почувствовать прежние болевые спазмы, дама сильно напряглась всем своим телом. Однако очень скоро барышня безвольно обмякла. Очевидно поэтому, сделав ещё пару более сильных толчков, Говоров облегчённо застонал...

Разомлевший офицер плюхнулся на кровать. Удовлетворив свою плоть, можно было, и расслабиться, послав всё к чёртовой матери. Однако не тут-то было. Девушка вдруг уткнулась в подушку и разрыдалась в полный голос.

– Ты меня использовал... Какой же ты сволочь... Просто взял и надругался, лишив меня невинности... – причитала она, уливаясь слезами.

– Хейла, перестань. Я ведь не знал... – присев рядом с дамой, офицер принялся поглаживать её по спине, словно то был маленький обидчивый ребёнок. – ...Не надо. Успокойся.

– Чего ты не знал?.. – оторвавшись от подушки, дама уставилась на ундер-лейтенанта. – ...Ты даже не удосужился узнать кто я, откуда. Лишь спросил, как моё имя и тотчас вогнал в меня свой шампур.

– Ну, извини. Подскажи, чем я могу искупить свою вину? – почувствовав некоторую слабину, Говоров перешёл из глухой обороны в осторожную контратаку.

– Мог бы налить девушки вина, поговорить, расположить. А уж после и начал свои похотливые приставания.

– На военном корабле спиртного нет... – Говоров попытался возразить, однако тотчас встрепенулся. – ...А впрочем, обожди...

В голову Германа вдруг пришла идея, сбегать к Лазареву, отвечавшему за продовольственное снабжение корабля. У этого прохвоста всегда можно было разжиться чем-то таким. Но в самый последний момент что-то заставило его заглянуть в свой сундук. Именно там он обнаружил две бутылки французской наливки.

В сознании офицера тут же мелькнула мысль: «Ну, конечно. Ведь это сон, потому и всё здесь возможно».

Молча выпили. Дама чуть повеселела. На её лице появился кое-какой намёк на улыбку.

Следующая их близость была уже обоюдно желаемой. И, тем не менее, под самое утро, когда мужчина и женщина в блаженной истоме оторвались друг от друга, Хейла вновь закрыла лицо одеялом и тихо расплакалась.

– И всё же, ты меня подло опорочил... – её голос, прорывающийся сквозь тяжёлые всхлипывания, звучал несколько отрывисто и весьма сумбурно. – ...Ведь я тебя никогда более не увижу... Как и ты меня... Поматросил, и бросил...

Герману ничего не оставалось, кроме как тяжело вздохнуть, закрыть глаза и погрузиться в блаженную полудрёму.

Глава 6

На сей раз, пробуждение Говорова было более тягостным. Нет, не в физическом плане, а скорее в эмоциональном. После минувшей ночи, со слезами, всхлипами, обвинениями и прочими девичьими капризами, на душе офицера остался какой-то неприятный осадок. Ранее, всё было гораздо проще, более беззаботно.

Герман достал из своего потайного места всё ту же магическую колоду карт, разложил её на столе веером.

«Вот она, та самая «двойка пик», эта чёртова Хейла, сумевшая подпортить мне настроение. Как не крути, а женщины всегда оставались для меня непредсказуемыми существами. Даже во сне, они умудряются устроить какие-то истерики, скандалы... – всматриваясь в карты, Говоров принялся размышлять о представительницах противоположного пола. – ...Выходит так, что между девушками, побывавшими в моей постели, не так уж и много общего. Их ни в коем случае нельзя укладывать в одну единую колоду. Каждая из тех красоток – это отдельная, самостоятельная история, своя независимая повесть, потому и должен я, каждый раз подстраиваться, аккуратно прощупывая свою очередную гостью, дабы вновь не попасть впросак, как с этой самой Хейлой.

А впрочем, кто его знает. Быть может, минувшей ночью я столкнулся с обычным исключением из общих правил. Как говорить: для каждой бочки мёда, должна быть и своя ложка дёгтя. Ладно, поживём – проверим...»

При этом офицер вовсе не заметил одну немаловажную деталь. Дело в том, что все «двойки» в мистической колоде карт, каких-то четыре дня назад, казавшиеся ундер-лейтенанту абсолютно новенькими (от них как будто бы ещё пахло свежей краской), на сей раз выглядели несколько потрёпанными, примерно такими же, как «тройки» или «четвёрки».

Ближе к полудню, Герман столкнулся на верхней палубе с Русаковым.

– Говоров, ты чего по ночам орёшь?.. – завидев ундер-лейтенанта, с некоторым вызовом поинтересовался Мирон. – ...Причём, уже который раз просыпаюсь от твоего, едва ли не бабского: ни то визга, ни то скуления.

Здесь стоит отметить, что каюты Говорова и Расакова располагались совсем рядом; друг от друга их отделяла лишь тонкая деревянная стена.

Благо, Герману удалось перевести данный, не очень-то и приятный разговор в шутку. Дескать, после недавнего инцидента на берегу, Русакова более не отпускают с фрегата, потому и смотрит он за мирной жизнью лишь с палубы корабля, вот и мерещатся ему женские страдания с визгами, смехом и криками. Про себя ж, пожалуй, впервые Герман всерьёз призадумался над тем, с чем, собственно, он имеет нынче дело, если голоса его ночных посетительниц слышны и в соседних каютах.

«Если забавы, которыми я наслаждался на протяжении последних четырёх ночей, всего лишь сон, то каким образом завывания Хейлы мог услышать лейтенант? Он что ж, видел со мной один и тот же сон?

Ну, а в том случае, если всё ранее сказанное происходило наяву... Да, нет. Этого не может быть. Каким-таким образом эти чёртовы «двойки» могли незаметно проникнуть не только в мою каюту, но и на судно? Да, и куда, все они девались позже, ближе к рассвету?

Помнится, я ранее размышлял о нечто среднем: полусном—полуявью. А может, речь сейчас идёт о некой бесовщине, магии, ворожбе...»

– ... Тебе, случаем, не больно? – осторожно поинтересовался Герман, как только его мужской стержень оказался в Женеьеве.

Очередной гостьей Говорова нынче была стройная дама лет девятнадцати-двадцати. Она разбудила офицера среди ночи, погладив того своей нежной ладошкой. Ундер-лейтенант нашёл Женевьеву аккуратной, миниатюрной и чертовски обворожительной девушкой. Её струящиеся светлые волосы прикрывали оголённую грудь. В общем, весь негатив, с которым Герман столкнулся минувшей ночью, сам собой отошёл на второй план. Речь, как вы и сами наверняка поняли, идёт о Хейле, о её обидах и капризах.

Тем не менее, памятуя о своём недавнем, достаточно печальном опыте, ундер-лейтенант постарался быть с Женевьевой предельно тактичным и обходительным. Потому и задан был тот неожиданный вопрос, когда продолжительная и отчасти невинная прелюдия с поцелуями, поглаживаниями и прижиманиями тел, наконец-то переросла в нечто иное, в более серьёзную стадию.

Вместо ответа, девушка подалась немного вперёд, погрузив мужское естество ещё глубже. Широкие мужские ладони, блуждавшие по мягкому и нежному женскому телу, продолжали возбуждать и без того перевозбуждённую Женевьеву. Похоже, ей нравилось чувствовать себя хрупкой и незащищённой, рядом с высоким и сильным самцом.

После того, как дама сама двинулась навстречу, Говоров стал более активен и напорист. Его движения приобрели более быстрый и размашистый темп. В ответ, барышня принялась размеренно постанывать.

Дурман наслаждения разом развеяли голоса, вдруг донёсшиеся с обратной стороны каютной двери. Герман замер, чуть затаившись. Однако очень скоро голоса начали затихать. Двое мужчин, похоже, успели удалиться на почтительное расстояние. Говоров продолжил в несколько ускоренном темпе.

И тут, как назло, утопая в океане удовольствий, Женевьева непроизвольно выкрикнула. Очевидно, в какой-то момент, девушка потеряла над собой контроль. Говоров тотчас зажал её рот своей ладонью.

«Твою ж мать, что ж они так орут?.. – чертыхнулся про себя офицер. – ...Причём, орут в самый неподходящий момент».

Вновь прислушавшись к голосам за дверью, ундер-лейтенант понял, что они полностью стихли. То ли ушли, то ли услышав девичий крик, мужчины притихли. Говорову отчего-то стало стыдно. Стыдно за то, что он злостно нарушает дисциплину на судне. Тем не менее, Герман очень скоро успокоил себя мыслью о том, что ни даму, ни его самого – никто не видел. Быть может, лишь слышали короткий окрик. Если в его каюте, далее будет тихо, никто и вовсе не узнает, кому именно принадлежал тот довольный голосок, полный похоти и страсти. И главное, никто не узнает, из какой именно каюты он прозвучал. Потому и продолжал Герман держать свою ладонь на устах Женевьевы до тех самых пор, пока сам глухо не застонал.

– Ох, какое блаженство!.. – с тяжёлым выдохом произнёс офицер. – ...Ты прелесть. Такая горячая, такая... Прости, если сделал тебе больно. Я не хотел, просто ты не сказала, а я думал...

– Да, всё нормально... – тихо усмехнулась партнёрша, упоительно потягиваясь на скомканной кровати. – ...Не бери в голову. Мне было вовсе не больно. Ведь я не девица. Ранее, у меня уже был мужчина. И не просто мужчина, а штурман с голландской шхуны. Единственное, что я могу о нём сказать: весьма похотливый самец. Здоровый, сильный, не знающий ни сострадания, ни жалости. Однако, как партнёр, он тебе и в подмётке не годиться. Ведь ты гораздо мягче, обходительней... – девушка нежно провела своей мягкой ладошкой по спине Германа.

Не обращая внимания на отпущенный в свой адрес комплимент, на приятное поглаживание, Говоров напрягся всем телом, повторив про себя: «штурман с голландской шхуны».

– Не припомнишь, как звали того штурмана? – офицер пристально глянул в глаза дамы.

– Разве женщина может забыть того мужчину, который, собственно, и сделал из неё женщину... – усмехнулась в ответ длинноволосая блондинка. – ...Имя штурмана Ван Дей Кюйст...

И тут Говоров открыл глаза.

Он проснулся. В каюту пробивались первые лучики рассвета.

«Эх, чёрт!.. Ведь я вовсе не успел расспросить Женевьеву о том штурмане. Меж тем, именно с него всё и началось. Точнее, с его колоды... – проговорил про себя ундер-лейтенант, и тотчас его разум посетила несколько неожиданная мысль. – ...А быть может, кто-то не пожелал, чтобы я услышал её ответ, потому и не дал он девушки договорить, разбудив меня в самый неподходящий момент.

Ага. Всё же «разбудив». Как не крути, а я действительно проснулся. Выходит, всё происходившее нынешней ночью было исключительно моим сновидением. Да, и хрен с ним, с этим «кем-то», меня разбудившим. Как и с тем чёртовым штурманом...

Непроизвольно Говоров взял в руки колоду. Перебрал её и очень скоро отыскал в ней Женевьеву (то есть, «тройка бубей»).

«Эх, хорошая девочка... – с некоторым сожалением вздохнул Герман. – ...Я был бы вовсе не прочь провести с ней ещё одну ночь. Из всех предыдущих барышень, она, пожалуй, оказалась самой лучшей и не только потому, что похвалила меня в сравнении с иным мужчиной... Ну, вот. Вновь вспомнил об этом штурмане. Пожалуй, мне необходимо навсегда выкинуть голландца из своей головы».

Тем не менее, на протяжении всего дня Говоров невольно возвращался своими мыслями именно к Ван Дей Кюйсту. Стоило Герману отвлечься от своих прямых служебных обязанностей, в его разум тотчас же просачивался ряд вопросов. Таких как: почему Ван Дей Кюйст передал колоду карт именно ему? Почему он сам, так легко отказался от фактически бесконечного ночного блаженства? Почему штурман выглядел как старик, если моряки с «Фортуны» или та же Женевьева описывают Ван Дей Кюйста, исключительно как крепкого, молодого самца?

Толком, не ответив ни на один из вышеозначенных вопросов, ундер-лейтенант решил дожидаться следующей ночи в надежде предметно расспросить о штурмане, уже следующую ночную гостью.

Очередной гостьей каюты ундер-лейтенанта, оказалась Бланка.

Бланке было около девятнадцати. Темноволосая барышня вовсе не пыталась разбудить офицера, не лезла к нему под одеяло, не прижималась, не приставала со своими поцелуями. Она сидела тихой мышкой на самом краешке кровати Говорова и молча ожидала, что будет дальше. И если бы Германа не начал мучиться жаждой, если бы он не проснулся среди ночи с пересохшим горлом, то Бланка возможно и просидела бы так, с краю, до самого утра, до той же поры проспал бы и ундер-лейтенант.

Узнав имя ночной гостьи, Говоров попытался тотчас увлечь её под своё одеяло, однако та не поддавалась.

«Может, и к лучшему... – не стал настаивать офицер. – ...Вначале, немного поговорим, а уж после, когда дама немного пообвыкнется, мы и перейдём к главному. То есть, к любовным утехам».

– Бланка, тебе ни о чём не говорит имя: Ван Дей Кюйст? – как бы, между прочим, поинтересовался Герман.

– Он извращенец. Ван дей Кюйст лишил меня девственности... – несколько безучастно ответила дама.

– Вот даже как! – едва ли не присвистнул Говоров.

«Вторая девица подряд, которая уже не девица. Причём, как в первом, так и во втором случае, успел-таки наследить именно тот самый голландский штурман. Вот уж точно: наш пострел везде поспел... – усмехнулся про себя Герман и тотчас спохватился. – ...Интересно, в каких эпитетах будут описывать свой первый сексуальный опыт те же Карин, Кризанта, Берта

или Хейла? А впрочем, с Хейлой, похоже, и без того, всё понятно. Эта дамочка, наверняка, опишет меня, как самого распоследнего злодея...»

– Почему «извращенец»? – меж тем, поинтересовался ундер-лейтенант.

– А как иначе?.. – переспросила Бланка, после чего поведала Говорову довольно-таки занимательную историю.

«...Когда ж голландец затащил меня в постель, мы уже были абсолютно голыми. Я сразу почувствовала, как к моему животу прикоснулось нечто мерзкое. Это был его отвратительный детородный орган. Причём, он был в самом боевом состоянии. Ван Дей Кюйст совершенно не думал его скрывать. Напротив, он старался теснее потереться им о моё тело и прижаться ко мне как можно плотнее.

Я задрожала, когда его крепкая рука легла на мой живот, когда она начала шарить по моим бёдрам. Дыша мне в лицо, своим омерзительным перегаром, голландец ещё и целовал меня в щёку, непрерывно спрашивая: дескать, хорошо ли мне; приятно?

Идиот. О каком возбуждении вообще могла идти тогда речь, когда меня едва не выворачивало от его стойкого запаха: не только алкогольного, но и пота. Дабы не взбесить голландца, я всё же отвечала ему: мол, мне приятно. Сама же отворачивала свой нос как можно дальше в сторону. Тут-то и впился он своими губами в мои губы и принялся подминать меня под себя. Мне оставалось лишь терпеть и исполнять то, что требовал от меня этот бесцеремонный мерзавец.

Лишь в самый последний момент, когда Ван дей Кюйст почти полностью был на мне, я вдруг поняла, что будет лучше, если я сама раздвину ножки. Иначе, в порыве страсти, он их попросту мог сломать. Как только я это сделала, тотчас же почувствовала его омерзительный отросток. Он наглым образом проник в мою нетронутую «девочку». Боль была просто невыносимой. А этот извращенец принялся неистово двигать своим тазом, тереться об меня своим жарким и потным телом. Я уже не могла себя сдерживать, потому и начала стонать. Нет, вовсе не от наслаждения, как очевидно показалось Ван дей Кюйсту, а от дикого жжения, которое причинял мне каждый его толчок.

Казалось, данная пытка длилась целую вечность. Моряк никак не мог закончить. Возможно, данный ляпсус случился из-за того, что голландец был слишком пьян. Он лапал меня за бёдра и оставлял засосы на моей груди. Помнится, входя в меня на всю длину своего хозяйства, он ещё и приговаривал, дескать, ух ты, как туго идёт. Превозмогая мучения, я как могла, сдерживала себя от крика, хотя боль становилась всё сильнее и сильнее. Она была уже невыносима.

«Ох, как великолепно... – стонал он, двигаясь во мне как в своём кармане. При каждом следующем проникновении он буквально вдавливал меня в койку. – ...Такая узенькая девочка, просто прелесть...»

Подчиняясь лишь одному единственному стремлению: заставить его поскорее кончить (ведь тогда прекратиться и моя боль), я решила ему подыграть. Потому и застонала, эмитируя блаженство.

«Всё, милашка... Кажется, я уже могу разрядить свой ствол...» – наконец-то захрипел штурман.

Кончал он, опять же, чересчур долго, успев перепачкать своей противной жидкостью всё моё тело, в том числе брызнув несколькими каплями и на моё лицо. В общем, всё было до того мерзко и противно, что я равнодушно, если не сказать, полностью отрешённо отнеслась к его последней фразе, дескать, спасибо тебе, солнышко за то, что спасла меня от стояка. Мол, обещаю, что в следующий раз, я буду с тобой более обходителен и обязательно доставлю тебе изысканное наслаждение.

Вот такой паскудой оказался тот самый голландец, о котором ты меня спрашивал...»

От рассказа Бланки, Говоров невольно распался. Её повествование было настолько подробным и насыщенным эмоциями, что у Германа возникло стойкое ощущение, будто бы он лично присутствовал при совершении вышеозначенного акта. Офицер приблизился к даме и провёл своей рукой по изгибу её спины...

Возможно, Бланка относилась к тому самому типу женщин, которые по своим психика физиологическим показателям очень трудно испытывают какое-либо влечение к противоположному полу. А, быть может, именно первый интимный опыт, оказавшийся для Бланки, чрезвычайно неудачным, травмирующим её психику, сыграл в том вопросе решающую роль... Так или иначе, но едва ли не целую ночь Говорову пришлось совращать барышню к соитию.

Тот процесс выглядел достаточно утомительным, потому и не станет автор вдаваться в достаточно скучные подробности, которыми он сопровождался. Отмечу лишь то, что терпение и упорство в достижении поставленной цели, в конечном итоге, было всё же вознаграждено. Более того, под самое утро ундер-лейтенант даже услышал под собой слабый писк. Как позже выяснилось, то был экстаз Бланки, которая впервые в жизни испытала хоть какое-то удовлетворение от интимной близости с мужчиной.

Глава 7

В сравнении с Бланкой, Лаура (следующая гостья Говорова) оказалась, её абсолютной противоположностью. Да, и цвет волос у Лауры, в отличие от прошлой гостьи, оказался огненно рыжим. Лишь по возрасту девушке оказались несколько схожи. И той, и другой было около девятнадцати. Глядя на новую гостью, на её несколько хитроватый, с прищуром взгляд, Герману так и хотелось сказать: «рыжая лисица».

Итак, та самая «лисица» разбудила офицера ещё до наступления полуночи. С весёлым смехом она нырнула к нему под одеяло. В тот же момент её губы встретились с губами молодого человека. После чего их уста слились в долгом французском поцелуе.

Впрочем, игривость Лауры была легко объяснима – девушка прибывала немного подшофе. Герман сразу уловил благородный запах, только-только употреблённого алкоголя. В данной раскрепощённости и относительной доступности имелась определённая пикантность, которой грех было не воспользоваться.

Не прерывая поцелуй, Говоров скинул с девушки какие-то тряпки, и разделся сам. Он уже не мог противиться возбуждению и желанию обладать столь обворожительным телом. В том же возбуждении, похоже, прибывала и его партнёрша. Переполняемый положительными эмоциями ундер-лейтенант с трудом соображал, что он делает. В его голове всё путалось.

Сейчас им двигали исключительно инстинкты: его естество, интуиция – то есть, нечто природное, если не сказать: животное. Именно поэтому, офицер ни на секунду не останавливался, продолжая и развивая интимную игру, последовательно доводя её до следующего, вполне логичного этапа.

– Ох, Герман!.. Возьми меня!.. – чуть оторвавшись от губ ундер-лейтенанта, зашептала Лаура. – ...Овладей мной!.. Да-да!.. Поскорее проникни в меня!..

Едва успело случиться то, о чём просила офицера дама, как Хитрая Лиса изогнулась всем своим телом. Издав какой-то непонятный стон, она задрожала в мелких конвульсиях. Скорее всего, её возбудила сама ситуация. То есть, алкогольный дурман, случайность встречи, крепкий молодой человек, который был вовсе не против неизбежного соития.

Да, какой там против? Без какого-либо алкоголя, Говоров был нынче опьянён нахлынувшим на него наслаждением. Он по-настоящему утопал в чрезвычайно роскошной даме, посланной ему, не иначе, как самими небесами.

Не прошло и минуты, как Лаура вновь громко застонала. При этом она старалась как можно шире раздвинуть свои ножки. Герман был на седьмом небе от удовольствия. Он целовал губы девушки, в то время как его ладони непрерывно блуждали по женскому телу. Мужским рукам нынче позволено было всё.

– О Боже, какой он здоровый и длинный!.. – вырвалось у Лауры, когда Говоров, уже не в силах сдержаться вогнал своего дружка до самого отказа. И практически одновременно офицер испытал незабываемую разрядку.

Дама была чересчур разгорячена, чтобы довольствоваться тем, что она только что получила. Едва позволив Герману восстановить дыхание и хоть немного прийти в себя, Лаура протянула свою нежную ручку к его, изрядно ослабевшему мужскому достоинству. Взяв инициативу в свои руки, Лауре понадобилось совсем немного времени и нежных поглаживаний, дабы в бесформенной массе непонятно чего, вновь затеплились слабые признаки возрождения. Похоже, уверовав в свои способности оживлять уже умершее, девушка оседлала офицера сверху, втолкав в себя то, что очень скоро обещало приобрести упругость и строгие формы. Темп при этом был выбран весьма и весьма тихий. Точнее, то был даже не темп, а лишь плавное перекачивание из стороны в сторону. Очень скоро, тот эротический массаж принёс и свои

плоды. Скорость движений начала увеличиваться: быстрее, быстрее, ещё быстрее, глубже, быстрее, ещё глубже.

– Давай, офицер!.. Возьми меня, как следует!..

Просить дважды даме не пришлось, так как сразу после её слов Говорова будто подменили. Он уже не был безразлично-аморфным телом. Герман быстро подстроился к ритму партнёрши и постепенно принялся его ускорять. Движения становились всё более и более резкими и размашистыми.

Наслаждение вот-вот должно было накрыть Лауру, низ её живота уже начали сковывать первые спазмы. Она упала на грудь Говорова, обвила его своими руками и сильно впиалась в неё своими острыми коготками. В ответ, офицер принялся двигаться просто с бешеной скоростью, так, что кровать его начала ходить ходуном и стучать ножками по деревянному полу. Не выходя из Лауры, Герман перевалился, так чтобы барышня оказалась уже под ним. Сильно задрал дамские ножки вверх, дабы именно он, мужчина, мог держать ситуацию под своим контролем, задавать необходимый темп; в конечном итоге для того, чтоб его дружок мог проникнуть как можно глубже.

В очередном экстазе «лисица» громко застонала и задёргалась всем телом, будто бы в припадке. Пока Лаура билась в истерике, Герман ни на секунду не замедлился. Он абсолютно забыл обо всём вокруг: где он и кто его партнёрша. Говоров вообще не понимал, что происходит. Он погрузился в сладостную истому наслаждения, фонтан положительных эмоций заполнил собой весь его разум.

Дама кричала и стонала от упоения и страсти, которая рвалась из её тела. При этом Говоров оказался джентльменом, он дал Лауре возможность до конца выплеснуть все свои эмоции. И только после того, как девушка чуть обмякла, испытал полноту своих наслаждений, Герман позволил себе приглушённо застонать.

– Обалдеть, как здорово!.. Я хочу, чтобы ты осталась!.. – простонал офицер.

– Это не возможно, – шёпотом ответила ему Лаура.

– Почему?.. – Говоров был искренне удивлён. – ... Ведь мы просто созданы друг для друга.

– Нет-нет, это лишь алкоголь... – отрицательно замотала головой Хитрая Лиса.

– Лично я, трезвый. При этом я в тебя влюблён. Могу повторить это хоть сейчас, хоть завтра, хоть через месяц. Я хочу быть с тобой столько, сколько ты сама этого захочешь...

«Я в тебя влюблён!..» – именно с этой фразой Говоров и проснулся.

Вскочив с постели, он сразу извлёк из-под подушки заветную колоду. Быстренько отыскал в ней «тройку червей». На той карте и была изображена Лаура. Вернув колоду на прежнее место, «тройку червей» Герман оставил в своих руках. Более того, он поставил её на свой столик, как будто бы данная картинка являлась вовсе не картой, а неким портретом, нарисованным с натуры. Во, как глубоко врезалась в душу офицера та самая Хитрая Лисичка.

«Что же будет дальше? Не уж-то я никогда её более не увижу?» – с этой тяжёлой мыслью, беспрерывно терзавшей душу офицера, и прошёл весь следующий день. Похоже, Говоров действительно влюбился. Причём, он вовсе не отдавал себе отчёта в том, что именно привлекло его в ночной гостье, что зацепило. И ведь бурный интим, похоже, был тут вовсе не причём. Искать требовалось нечто иное, идущее из глубины души, можно сказать: от самого сердца. А впрочем, кто его знает, ... Ведь настоящие чувства проверяются временем.

Отрешённо блуждая по палубе «Полтавы», спускаясь в трюм, останавливаясь у пушечных портов, Говоров вовсе не подозревал, какая «неожиданность» может поджидать его уже следующей ночью.

Герман едва-едва успел задремать, как до его слуха вдруг долетел какой-то резкий звук. Будто бы кто-то взялся размешивать некую жидкость в глиняной посуде. Причём, звук этот исходил вовсе не из коридора, а именно из его, Говорова каюты.

Моментально открыв глаза, ундер-лейтенант увидел, сидевшего за каютным столиком мужчину. Точнее, то был клоун с размазёванной мордой, в ярком, разноцветном костюме и колпаке с бубенцами. Не совсем было понятно: улыбался ли клоун, либо та улыбка была, лишь нарисована на его лице. Ночной гость непрерывно прибывал в движении, он никак не мог спокойно усидеть на месте. Клоун размашисто забрасывал ногу на ногу; ёрзал; вставал на и вновь садился. Он постоянно крутил в своих руках какую-то цветную палку. На конце этой самой палки была так же вырезана и разукрашена голова шута.

Глядя на эту лицедейскую картину, Герман поначалу подумал: а не сошёл ли он с ума? Однако вовремя сообразил, что нынче в гости к нему пожаловала вовсе не «тройка» или «десятка»... То есть, ни одна из девушек его игровой колоды. Перед ним предстал сам Джокер. Имеется в виду, та самая игральная карта, которая, как правило, бывает желанной для любого карточного игрока, причём, при любом игровом раскладе.

– Привет, Герман! Как поживаешь? – вот теперь он действительно улыбнулся.

– Тебе-то, какое дело? – невольно огрызнулся ундер-лейтенант, ожидавший увидеть нынешней ночью вовсе не мужика, и уж тем более не клоуна. Вне всяких сомнений, Говоров тешил себя надеждой, что в его каюту вновь пожалует дамочка, в объятиях которой он и проведёт ближайшую ночь, тем самым отвлекаясь от тяжёлых дневных мыслей.

На этом месте, пожалуй, стоит сказать ещё и о том, что с самого детства Герман испытывал если не ненависть, то уж точно, неприязнь к разного рода ярмарочным петрушкам и балаганным паяцам. В первую очередь, связано это было с тем, что объектом насмешек уличного фольклора, как правило, становились люди в формах с высокими званиями, коим, безусловно, и являлся батюшка юного Германа, занимавший должность шаутбейнахта. При этом базарным шутникам было вовсе невдомёк, что Говоров-старший прошёл путь от рядового матроса до командующего арьергардной дивизией эскадры. Он по-настоящему являлся боевым офицером, в отличие от иных свадебных генералов, воистину достойных карикатурных частушек и кукольных постановок. Так уж вышло, что шутки, отпущенные в адрес батюшки, пусть и косвенно, но все же, весьма больно били по самолюбию Говорова-младшего. Потому и не любил он всевозможное цирковое отрепье, к которому ундер-лейтенант тотчас же причислил и нынешнего незваного гостя, выглядевшего как заправский шут, то есть, абсолютно не серьёзно.

– Зря ты так, господин подпорутчик. Я не шут и уж тем более не паяц... – будто прочитав мысли офицера, оскорбился Джокер. – ...Ведь я пришёл, чтобы тебе помочь.

– Интересно чем? – с определённым вызовом задал свой вопрос Герман.

– Я могу дать тебе пару дельных советов. К примеру, как избавиться себя от навязчивых визитов непристойных бабёнок.

– С чего ради?.. – в искреннем непонимании и полном изумлении ответил Говоров. – ...Те милашки, которых ты опрометчиво окрестил «непристойными бабёнками», мне вовсе не в тягость.

– Поверь мне на слово, в мире очень мало людей, способных признать в себе наличие случайно приобретённых дурных привычек... – в очередной раз, закинув ногу на ногу, Джокер приступил к своему ответу. – ...Более того, поначалу они и вовсе не кажутся им дурными. Ещё труднее от них избавиться. А порой, и вовсе невозможно. Меж тем, эти самые привычки и укорачивают вам жизнь. Подчас, сокращая её весьма и весьма значительно.

Офицер, ты и сам не замечаешь, как глубоко втягиваешься в то болото, становясь, всё более и более зависим от беспорядочного и бестолкового удовлетворения своих изменных потребностей. Прошу отнестись к моим словам предельно серьёзно, ведь я независим, потому и могу сказать тебе правду, приоткрыв твои глаза на кое-какие существенные моменты.

– Переспать с девушкой, по-твоему, плохая привычка?.. – усмехнулся в ответ Герман. —...А тебе не кажется, что, избавившись от этой самой «вредной привычки», человечество прекратит своё существование.

– Менять женщин как перчатки, вот что я называю дурной привычкой... – пояснил свою точку зрения Джокер. – ...К пагубным привычкам я так же отношу твой безумный азарт, а также полное вероотступничество.

– А причём здесь вера? – в удивлении Говоров уставился на своего ночного гостя.

– Притом, что вместо иконы, ты уже начал молиться на карту из игральной колоды... – Джокер осторожно щёлкнул по стоящей на столе карте с изображением Лауры. – ...Парень, пока ты не втянулся... Пока ещё не поздно. Давай-ка, я подскажу, как ты можешь избавиться от той самой злополучной колоды, которую ты прячешь под своей подушкой.

– И не подумай, – категорично ответил офицер.

– Тебя, кстати, не волнует тот факт, при котором гречанка, француженка, немка, австрийка, испанка и прочие из тех, кто за последнюю неделю побывал в твоей постели – все они, прекрасно тебя понимали. Ты общался с ними, как на родном языке. Давай, хотя бы, я расскажу тебе... – собеседник попытался развить данную тему, однако его оборвал на полуслове Герман.

– Более не желаю ничего слышать... – ундер-лейтенант демонстративно заткнул уши пальцами. Однако очень скоро, он вдруг спохватился. – ...Пожалуй, кое в чём ты всё же сумеешь мне помочь. Помогите вернуть Лауру.

– А как на счёт того, чтобы я навсегда избавил тебя от её любовных чар? – переспросил Джокер.

– Забудь... – Говоров ударил по столу кулаком. – ...И вообще, проваливай. В противном случае, я вышвырну тебя из каюты силой.

В то же мгновение, в корабельном помещении наступила тишина. Герман огляделся, каюта была абсолютно пустой.

– Ну, не скотина?.. – переполненный злобой, Говоров завалился на кровать. – ...Всю масть, сволочь, сбил.

Герман открыл глаза и увидел её, стройную даму девятнадцати лет, с тёмными прямыми волосами.

«Получается, что этот клоун мне лишь приснился... – с облегчением выдохнул офицер. – ...Тем лучше. Лучше для него...»

Глава 8

– Ну, рассказывай. Как тебя зовут? – переключившись на ночную гостью, поинтересовался Герман.

– Ванесса.

– Довольно редкое имя... – в полголоса произнёс Говоров, и уже в полный голос добавил. – ...Интересно, что оно означает?

– Явившаяся людям, – как бы, между прочим, ответила девушка.

– На каком языке?

– Естественно, на итальянском. Ведь я итальянка.

– Да, кто б спорил... – улыбнулся барышне молодой человек. – ...Конечно «естественно».

– Что «естественно»? – в непонимании Ванесса глянула на Германа.

– Дело в том, что я ни слова не знаю по-итальянски. Меж тем мы общаемся, словно на родном мне русском.

– Так ведь это сон... – улыбнулась в ответ итальянка. – ...Ты мне снишься. Потому и понимаем мы друг друга, невзирая на то, что говорим на чуждом наречии.

– Скорее всего, так оно и есть, – офицер предпочёл согласиться и более не вступать в пустые и бесполезные разговоры.

Приглядевшись к гостье, ундер-лейтенант нашёл её достаточно симпатичной и весьма привлекательной. Стройное и аккуратное тело, хорошенькое личико, чем-то напоминавшее кошачью мордочку. В общем, с этой красоткой Герман мог запросто отвлечься от воспоминаний о всё той же Лауре.

На правах искущённого в интимных делах мужчины, без какой-либо суеты и спешки Говоров приступил к обхаживанию Ванессы, постепенно распаяя свою новую гостью. Ведь, кажется, именно для этого и пробралась нынче дама в его каюту. В таком случае, чего ж тянуть, тратить драгоценное ночное время на посиделки и пустую болтовню?

Ванесса вовсе не помышляла противиться. Она совершенно не выглядела тихоней, безучастной куклой, готовой терпеть неприятные ощущения и безмолвно пресмыкаться перед партнёром. Девушка напротив, оказалась весьма податливой, старалась отвечать офицеру взаимностью и, похоже, была не прочь поддержать любую игру, им предложенную.

Интуитивно припоминая события минувшей ночи, а так же учитывая раскованность Ванессы, её готовность к неким экспериментам, Говоров предпочёл сразу лечь на спину, усадив девушку сверху. Приобняв партнёршу за бёдра, Герман начал медленно двигать ею вверх-вниз, тем самым показывая, как это должно выглядеть. После чего, ундер-лейтенант отпустил даму, предоставив ей полную свободу действий. Ванесса показала себя весьма способной ученицей. Поначалу, она как будто бы снизила, заданный Говоровым ритм, однако чуть приспособившись, начала двигаться именно так, как и требовал её «учитель».

Откинув голову и чуть прикрыв глаза, офицер наслаждался текущим моментом, мысленно представляя, что он вновь с Лаурой. Когда ж ундер-лейтенант вновь глянул на Ванессу, он был несколько удивлён тем, насколько девушка была сосредоточена. Глаза её смотрели вниз, именно туда, где мужская плоть на две трети своей длины была погружённую в её нутро. При этом дама прикусывала нижнюю губку, что делало её ещё более сексуальной и желанной. Былой объект вожеления Говорова, Лаура, как-то сам по себе, отошла на второй план. Нынче его сознание полностью заполнила Ванесса.

– Кошечка, ты даже не представляешь, как мне приятно, – с придыханием произнёс Герман.

Руки офицера уже начали свой витиеватый путь по стройному и гибкому телу партнёрши. Прикосновения к бархатной коже, к мягким бёдрам ещё сильнее возбудили ундер-лейтенанта.

Пассивное созерцание обнажённого женского тело его более не устраивало. В голове молодого человека уже начали зреть очередные «коварные» планы. Герман уложил Ванессу рядом с собой, обнял даму и нежно провёл по её спине, сверху-вниз, слегка задержавшись на мягких ягодицах нынешней партнёрши. После чего рука офицера невольно скользнула между девичьих ножек. Ночная гостья инстинктивно сжала бёдра, тем самым отрезав Говорову путь к самому сокровенному. Чем весьма и весьма удивила Германа, ведь минутой ранее он там уже побывал. И не просто побывал, офицер владел её прелестями практически безраздельно, свободно проникая в них своим мужским естеством. А впрочем, спустя мгновение, Ванесса расслабилась и чуть развела те самые ножки в стороны. Дама была полностью готова к тому, чтобы мужчина лёг сверху и вновь погрузил в неё своё упругий стержень.

Удовлетворённо Герман провёл своей ладонью по женской промежности, так и оставив свою руку между мягких бёдер. Ванесса вытянулась в струнку, и тихий стон застрял у неё в горле. Офицер почувствовал, как задрожали от возбуждения её ножки, как задёргались веки прикрытых глаз, как её реснички защекотали его щёку.

– Как тебе? – прошептал ундер-лейтенант.

– Очень... Очень приятно... – застонала Ванесса. – ...Прошу, не останавливайся. Я хочу почувствовать это ещё...

Говоров переместил руку вверх, положив её на животик партнёрши. Точнее, чуть ниже животика, на то самое место, где пробивалась густая и мягкая растительность. Перемещаться на даму, Герман не особо спешил, хотел вдоволь насладиться её молодым телом, доставив ночной гостье как можно больше удовольствия. Действия офицера были по-прежнему аккуратны. Он старался использовать все свои умения, весь свой прежний опыт, чтобы Ванессе было ещё более приятно.

– Я и не подозревала, настолько это может быть великолепно... – продолжала шептать барышня. – ...Мне очень хорошо.

Одним из своих пальцев Говоров начал ласкать то, что барышня пыталась ранее скрыть между своих ножек. Ванесса застонала, в преддверии того, что в обязательном порядке должно было произойти. Герман припал губами к её сочным губам, продолжая гулять своим пальцем по совсем иным губкам.

И тут даму затрясло. Говоров никогда прежде не видел, столь эмоционального возбуждения. Безумно резко сокращались её мышцы ног и пресса, которые заставляли ходить ходуном и всё её тело. Офицеру даже показалось, что сейчас Ванесса соскользнёт с кровати от нехватки сил. Тем не менее, партнёрша очень стойко перенесла, навалившуюся на неё внезапную благодать. Конечно же, Герману пришлось придержать стройное тело гостьи. Каким-то чудом, девушка не потеряла сознания. Во время судорог и спазмов досталось и Говорову-младшему, на тот момент случайно оказавшемуся в руке Ванессы. Она принялась его сильно сжимать и вытягивать.

Лишь пару минут спустя барышня пришла-таки в себя.

– Невероятно!.. – без какого-либо надрыва или придыхания произнесла ночная гостья. – ...Признаться, я никогда ранее не чувствовала себя так хорошо. Это чувство... Я хочу испытать его вновь и вновь. Это какой-то новый мир... – чуть покраснев и опустив глаза, Ванесса тихо добавила. – ...Мне кажется, я влюблена.

Припомнив ранние слова Ванессы о том, что всё происходящее лишь сон, Говоров чуть приобнял её и решил по полной программе использовать данное, отчасти безответственное, потустороннее состояние своей души и тела.

– Если ты любишь, тогда ты должна... В общем, помоги мне испытать то, что ты сама только что пережила. Герман, конечно же, намекал на соитие. Однако результат его просьбы, превзошёл самые смелые ожидания.

– По-настоящему любящая девушка, без каких либо проблем может это сделать для своего парня... – в знак согласия кивнула головой Ванесса. – ...В том нет ничего предосудительного или постыдного. Я лишь опасаясь, что у меня что-то вдруг не получится.

Покорно опустившись на колени, дама взяла в руку мужское достоинство. Тут-то и случилось абсолютно непредвиденное. Ванесса вдруг приблизила к Говорову-младшему своим жаркие губки. Говоров смотрел на это действие словно замороженный не в силах не пошевелиться, не что-либо сказать. Сейчас он лишь испытывал невыносимое возбуждение.

«Повествуя о блудницах из европейских борделей, кажется, именно об этом и говорили Лазарев с Демидовым...» – припомнил вдруг Герман.

Почувствовав на головке своего члена влажный язычок и то, как барышня робко начала им ласкать детородный орган, время от времени покрывая его поцелуями сверху донизу, Герман запрокинул голову и застонал. Ему оставалось лишь положить свою ладонь на затылок барышни, дабы задать необходимый ритм её движениям. А впрочем, в том не было особой нужды. Скорее всего, на уровне некой интуиции, нежели на каком-то былом опыте, девушка прекрасно осознавала, что ей необходимо сейчас делать, потому и разрядка наступила довольно-таки скоро...

С самого утра Говоров убрал карту «тройку червей» с изображением Лауры, обратно в колоду. Её место на каютном столике заняла ныне «тройка пик». Данную рокировку Герман объяснял себя тем, что в отличие от Лауры, крутившей офицером, как ей вздумается, Ванесса готова была исполнить любой его каприз. Последнее, было для офицера гораздо упоительней.

– Говоров, ты мне вот, что скажи... – к Герману обратился лейтенант Аничков. – ...Что, чёрт побери, происходит по ночам в твоей каюте?

Совсем недавно в кают-компани закончилось собрание офицеров. Большинство офицеров уже разошлись по своим делам. В помещении осталось лишь несколько человек.

– Во-во, и я собирался о том спросить... – поддержал Аничкова, Демидов. – ...Помниться, данная тема, ранее уже поднималась.

– Господа, вы о чём? – в удивлении развёл руки Говоров.

– Из твоей каюты постоянно доносятся какие-то подозрительные стуки, крики, визги... – попытался уточнить Аничков.

– Причём, те самые визги, как будто бы, были женскими... – с некоторой ехидцей в голосе, дополнил Глеб. – ...В детстве, я слышал легенды о вурдалаках, которые по ночам перевоплощаются в кровопивцев и убивают своих соседей. Быть может, и ты, Герман, переводеаешься по ночам в женские платья, после чего и орёшь дурниной разными голосами.

Говоров тотчас схватился за шпагу, посчитав слова Демидова личным оскорблением.

– Ах, ты, поскудник!.. – Герман незамедлительно ринулся на своего обидчика.

Однако путь ему преградил всё тот же Аничков, вставший между ундер-лейтенантом и констапелем.

– Господа, прекратите. Иначе, я буду вынужден обо всём доложить капитану.

Шпага была вновь возвращена в ножны. Офицеры разошлись, проводив друг друга суровым взглядом.

Глава 9

Элеонора.

Она была чуть старше двадцати лет. Светловолосая полька (по крайней мере, именно о данной национальности девушка обмолвилась во время знакомства с Говоровым). Вполне ладная и складная. При этом прекрасно знала, что от неё требуется. Правда, Германа несколько озадачила одна из фраз гостыи, брошенной как бы мимоходом. В тот самый момент, когда молодые люди уже оказались в объятиях друг друга, Элеонора вдруг заявила о том, что она всерьёз желает стать настоящей шлюхой.

– То есть, ты собираешься работать в борделе? – уточнил офицер.

– Нет-нет. Речь вовсе не идёт о грязной профессии, о каких-то панелях, домах терпимости и тому подобном. Я лишь собираюсь овладеть искусством, завоёвывать мужчину через постель.

– И что ж тебе в этом мешает?

– Опыт. У меня он слишком мал... – абсолютно спокойно, будто бы разговор шёл о чём-то вполне обыденном, ответила Элеонора. – ...Честно признаться, ты у меня, всего лишь третий мужчина. Меж тем, я уже успела войти во вкус и кое в чём поднатореть.

Что же касается нашей нынешней встречи, то ты вполне симпатичный молодой человек. К тому же смотришь на меня голодным взглядом. Так почему бы мне не расширить свой арсенал познаний уже с тобой? Тем более что и прибыла я к тебе, как последняя шалава, готовая исполнить практически любое твоё желание.

От этих слов, в паху Говорова наметилось кое-какое оживление. Очевидно, заметив данные перемены, Элеонора присела на колени Германа. Офицер предпочёл полностью отдать инициативу партнёрши. Ведь это она, а не он, собирается стать изысканной и неповторимой развратницей. Так пускай тренируется, набирается необходимого опыта.

Практически без паузы, дама принялась тереться своими мягкими половинками о его «дружка». Ещё сильнее она возбудилась, когда руки ундер-лейтенанта обхватили её за талию. Теперь это уже начало напоминать некий интим. Дама всё плотнее и плотней прижималась к офицеру, в то время как его руки держали барышню за бедра, чётко фиксируя её положение. Поддавшись своим фантазиям, Говоров чуть наклонил Элеонору вперёд.

– Быть может, мы перейдём к чему-то более серьёзному? – поинтересовался Герман.

– Я только «за», – ответила девушка.

Запустив руку между своих ног, дама нащупала детородный орган офицера и тотчас погрузила его в нечто нежное и обволакивающее.

Поёрзав не более минуты, Элеонора соскользнула с колен хозяина каюты. Взяв вертикально-стоявшее мужское достоинство в свои ладошки, дама облизнула свои губки и скоренько наклонилась, дабы принять в свой ротик вздыбленное мужское естество. Тут-то и испытал Говоров если не боль, то уж точно, весьма неприятные ощущения. Офицер так и не понял, то ли девушка чрезвычайно грубо обошлась с Говоровым-младшим, то ли она его вовсе прикусила...

Забегая вперёд, следует сказать о том, что если бы Говоров был в тот вечер экзаменатором Элеоноры по части её интимных способностей, то наверняка он оценил бы их весьма и весьма низко, на уровне начальной школы. О каких-либо «университетах», «магистратах» и тому подобному не могло быть и речи.

«Уж, коль барышня всерьёз собралась освоить науку оболыщения и соблазнения, то ей, действительно, ещё учиться и учиться... – наблюдая за неуклюжестью, прямолинейностью и откровенной развязностью дамы, размышлял про себя Герман. – ...Лично я, вовсе не удо-

влетворён нынешним интимом. Вполне возможно, по-настоящему познать вышеозначенные науки Элеоноре вовсе не удастся, невзирая на все её старания. Ведь у неё нет элементарного чутья, если хотите: интуиции. Она вовсе не понимает, что ей необходимо сделать в то или иное мгновение. Где её следует проявить инициативу, а в каком случае необходимо остаться пассивной. Когда Элеонора должна была напрячься, и в какой момент расслабиться. При этом она и сама, похоже, вовсе не в состоянии пережить наивысшее наслаждение...»

Дело в том, что нынешняя гостья, пытаясь угодить хозяину каюты, беспорядочно хваталась за всё, что угодно. Точнее, она хваталась лишь за «одно». Правда, совала это самое «одно» как-то бесхитростно, бессмысленно, вовсе не соблюдая правила тонкой интимной игры.

Быть может, для какого-то заурядного борделя, её сомнительная раскрепощённость (если хотите, то и «всеядность») было бы вполне достаточно. Однако для изысканного, чисто женского подхода, чувства меры и некоей последовательности, к которой уже привык Говоров...

А впрочем, при столь сильном женском стремлении и неистовом желании, небываемое бывает. Вполне возможно, что очень скоро и у Элеоноры найдётся очень хороший наставник и тогда...

Говоров лежал сейчас на спине, тогда как его нынешняя пассия прижималась к его правому боку. Герману уже ничего не хотелось, к тому же куда-то пропало желание поспать.

«Надеюсь, завтра никто из офицеров не посмеет упрекнуть меня в нарушении ночной тишины... – усмехнулся про себя ундер-лейтенант. – ...Хоть в этом будет определённый плюс от текущей ночи».

Элеонора, молча водила своим пальчиком по груди офицера, то спускаясь вниз к его животу, то поднимаясь вверх, к плечам ундер-лейтенанта. Похоже, она по-прежнему считала себя способной ученицей, хватавшей на лету всё новые и новые знания, шаг за шагом, приближая её к абсолютному совершенству. Потому и не было в ней не угрызений, ни обиды, ни отчаяния.

– Расскажи мне, откуда ты? – от нечего делать, вдруг поинтересовался Герман.

– Я ведь уже говорила о том, что моей родиной является Польша.

– Ну, а сюда... Имею в виду, каюту. Вы как попадаете?

– Что значит «вы»? – в искреннем удивлении, переспросила девушка и чуть приподнялась на свой локоть.

– Я говорю о тех дамах, которые еженощно навещают мою каюту. В том числе и о тебе.

– Какие ещё «дамы»?.. – возмутилась Элеонора. – ...Да, за кого ты меня принимаешь?

При этом барышня ещё и с силой ударила ладонью по влажному от пота животу Германа. Удар получился хлётким, звонким и достаточно болезненным.

«Выходит, она вовсе не знает об иных барышнях!» – с некоторым изумлением, был вынужден признать Говоров.

– Ну, хорошо-хорошо... – потирая покрасневший живот, Герман попытался поставить вопрос несколько иначе. – ...Расскажи: как ты попала в мою каюту?

– Так-то будет лучше... – Элеонора улыбнулась. Перевернувшись на живот и подставив под голову обе своих ладошки, она, похоже, приготовилась к долгому и весьма интересному повествованию. – ...В общем, мы плыли на большом корабле. Народу на его борту было очень много. Однако нас, пассажиров верхней палубы, данное обстоятельство не сильно-то и беспокоило. И тут налетел такой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.